

9

E-303

C130546

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗДНЕЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

02

10 ИЮН 2005 С 254

175

163

Чиб
2730546

СОУНД ИМ. В. Г. Белинского

СОУНД ИМ. В. Г. Белинского

Московское Общество Народных Университетов.

Проф. Д. Н. Егоров.

ЧТО ТАКОЕ
ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ?

С приложением 4 географич. карт.

Серия „БИБЛИОТЕКА НАРОДНОГО УНИВЕРСИТЕТА“.

МОСКВА — 1920.

8 9
СОУНД ИМ. В. Г. Белинского

Типо-Литография Центрального Управления Красноармейских Лавок,
бывш. Н. Коркиной и К°, Николо-Ямская, Крутоярский пер., д. 2.

Что такое история культуры?

Смерть—вот истинный царь природы. Умирают без числа отдельные люди; бесследно как будто погибают целые народы; увядает постепенно и вся наша вселенная—охладится солнце, исчезнет жизнь, и веселая наша земля подернется таким же холодом, станет такой же безжизненной пустыней, как луна. На верное уничтожение обречено и крупное, и малое. За краткой, слишком краткой жизнью наступает вечное исчезновение. Все это знают и знали. Вот почему смертью нередко запугивали, вот почему жизнью привлекали, подкупали..... Герой, кто не боится смерти! А может быть вернее—герой, кто не боится жизни? Дотащиться до гроба всякий может; опускать заранее руки, так как все равно вскоре лопух из него будет расти—тоже не хитрость. Но пройти гордо и с пользой свой жизненный путь—вот достойная задача.

Ежели властвуют смерть и уничтожение, к чему же тогда память о прошлом, то, что называется историей? Зачем наука о мертвцах и их умирании?

Простая ли тут любознательность? Если так, то это вещь пустая, никчемная. Всякое знание должно иметь цель, настоящую, понятную, чтоб стоило тратить силы и средства. Живой о живом и думает; напрасно, как будто, направлять его внимание на мертвое прошлое. Вот почему много раз и сомневались в „пользе“ истории. Не она ли говорит о безпрерывных войнах и насилиях, о видных полководцах, топивших целые края в крови, о разбоях и обманах, истреблении и уничтожении, т. е. все о той же смерти, на ко-

торую никакой румянец не наведешь. И сейчас тяжело, и тогда было невтерпеж; оглядываться назад нечего, еще более закружится голова от.... „постылого“ прошлого.

Но слышатся и другие, обратные речи. История как бы служит утешением. Недаром ведь безсознательно любят песни о старине; недаром многие полагали, что в старину всегда было „лучше“—и земля обильнее родила, и люди были проще, доступнее, кряжистее, смелее. Так говорят нередко, особенно от усталости или несчастия. Редко доказывают, но тем крепче верят. Хоть и странно, что от хороших отца и деда пошел плохой будто потомок, но все же верят. Итак, прошлое притягивает, оно чем то *заслужило*. Но чем?

Дело в том, что *не все умирает*. Остаются, из рода в род передаются, бережно и с любовью,—*улучшения*. Конечно, не те, которые служат на утеху или пользу одного или немногих, а те, которые понятны и нужны *всем*. Улучшения эти могут быть самыми разнообразными: и лучший инструмент, и новый способ выделки кожи или обработки поля, и более усовершенствованная борьба с болезнями людей или животных, и находка и применение неизвестной дотоле силы природы, и многое другое. Все эти новинки, открытия и изобретения составляют *культуру*. Культура со временем не уменьшается, а прибывает, растет; новые мысли, знание и умение приходят на смену старым, менее совершенным; плохое заменяется хорошим, а хорошее еще лучшим.

Желание или нежелание отдельных, даже многих людей, не могут надолго задержать *хода культуры*, т. е. заставить себя и других довольствоваться худшим, когда есть лучшее. Нередко бывало (и мы это увидим потом не раз), что неразвитой, полудикарский народ обрушивался на цветущую страну с *высокой культурой*, т. е. с многими полезными знаниями и навыками; казалось, что камня на камне не останется, что все придется начать опять сначала, но дикий победитель сам становился побежденным, сам восстановлял то, что им же было разрушено и расгоптано, как только убеждался в значении и пользе культуры. Если

даже такое понимание приходило не скоро, то все же культура не умирала: и в самой стране оставались добрые остатки, люди опыта и знания, и у соседей, непобежденных и неразгромленных, культура оставалась по прежнему, и победитель-дикарь тем яснее мог сравнивать и убеждаться, насколько он хуже приспособлен.

Культура можно сказать, *бесмертна и неискоренима*. Она *всюду проникает*. Ей не страшны ни разстояния, ни самые тяжкие, неблагоприятные условия.

В то время, когда люди не обладали еще никакими средствами „пожирать разстояние“ (как выражаются теперь американцы), когда не было не только пароходов и железных дорог, но и вообще каких-либо дорог; когда люди не знали еще металлов, не только железа, но и часто встречающейся на поверхности меди, когда они, поэтому, имели орудия и другие вещи из *камня*¹⁾, — все же разстояние уже стало побеждаться. Особо пригодные сорта камня-кремня передавались на многие сотни, даже тысячи верст; а замечательные две породы, высоко ценимые тогдашними людьми, находились — одна на границах Китая, другая в дальней Индии, так что должны были перевозиться на 10000 слишком верст в Европу! Такой путь пробегал наилучший материал в самое отдаленное, дикарское время; и таких же далей, конечно, не боялись и знания, и нужные навыки. Ни моря и океаны, ни безводные пустыни или лесистые дебри, ни высокие кряжи труднопроходимых гор не могли надолго задержать распространение культуры. В худшем случае получались временная задержка или далекий обход; люди гор или пустынь оказывались менее культурными, более бедными и неразвитыми, нежели люди равнин, но рано или поздно эти отсталые, к великой своей пользе, должны были догнать более счастливых соседей.²⁾

¹⁾ Об этом первобытном времени скоро выйдет особая книжка Ю. В. Гольте: Развитие техники.

²⁾ О победе человека над природой тоже выйдет отдельная книжка Д. Н. Егорова.

Раньше думали, что некоторые племена вообще не способны к развитию, в полной мере или отчасти. Говорили даже, что культура, точно злая болезнь, может убить целое племя, которое быстро начнет вымирать, как индейцы в Америке или еще более—австралийцы. Но теперь убедились, что тут дело не в культуре. В той же Австралии племя маори еще 70 лет тому назад знало лишь каменное оружие, пожирало человечину, а теперь они хорошо знают грамоту, служат на телеграфе и железной дороге, устроили кооперативы, имеют своих депутатов, умных и развитых, нисколько не уступающих другим, бледнолицым депутатам Австралийского парламента. Культура не яд. Если же вымирали другие австралийские племена или индейцы Америки, то причина та же, что и с нашими далекими северными инородцами, которые тоже стали быстро исчезать. Вместе с культурой, с новыми уменьями и знаниями, распространялись и новые, вредные привычки: пьянство, разврат, отвратительные и стыдные болезни. Чтоб перенять культуру, нужно и время, и сметка, и сила воли; перенять же грехи и слабости не только не трудно, но даже зачастую приятно. Инородца нашего, чтоб он был более покладист при обмене, чтоб дорогая шкурка, добытая им многодневной опасной и голодной охотой, шла задешево, нарочито спаивали водкой, а он, никогда раньше не знаяший опьяняющих напитков, охотно давал себя обманывать, покупая „огненную воду“, находя в ней отдых и забвение. Организм (тело) его не привык к водочному отравлению, тем легче он отравлялся, и через несколько лет статный дикарь-силач превращался в жалкого пропойцу с трясущимися руками и вечной жаждой, готовый на какие угодно преступления за шкалик сивухи. К пьянству и гибели мужчин прибавлялось еще пьянство женщин и детей, даже совсем малолетних, и отсюда гибель целого народа, всего племени.

Не от культуры гибли и гибнут дикарские люди, а от некультуры, от позорных и печальных явлений, которые к ним занесли нарочно или нечаянно (например—болезни).

Нет, поэтому, нужды думать, что одни—счастливцы, предназначенные для развития и усовершенствования, а другие—обреченные. На негров смотрели когда-то как на низшую породу, считали их живыми машинами, и только: теперь и у себя, в Африке, и еще более в других странах, они прекрасно ведут собственное усовершенствованное хозяйство, легко приохочиваются к наукам; немало теперь уже выдвинулось хороших ораторов, врачей, инженеров. Если же в Америке и до сих пор существует предубеждение против „чернокожих“, то это—остаток прошлого, скверная привычка, к счастью все более исчезающая. Все равно, как в той же Америке пренебрежительно относятся к „желтолицым“, особенно китайцам, хотя каждому грамотному человеку должно быть известно, что „дикарями“ их никак нельзя назвать, что Китай в свое время намного опередил Европу, которая, как мы увидим, многому полезному научилась именно у Китая.

Итак, культура всюду проникает; она не знает ни разстояний от природы, ни разстояний и разницы между людьми и племенами. Даже при самых неблагоприятных условиях она не всегда задерживается. Что, например, может быть хуже войны. Война—разрушение и, казалось бы, она величайший враг культуры, которой нужна мирная работа, создание, а не разрушение. Но уже давно замечено, что даже война не может не способствовать культуре. Если противник намного образованнее, а потому сильнее, то у него по-неволе приходится учиться, наспех, с величайшим напряжением, так как время не терпит. Когда то лихо говорили: „шапками закидаем“; теперь все более убеждаются—„не хвались, идучи на рать“. Умный противник самый сильный противник; догнать его, не то что перещеголять, трудная но нужная задача. И вот, при войне развивается быстрое перенимание, громадное напряжение: многое, что при войне направлено только во вред, после войны пойдет на великую пользу. Кто думал до всемирной войны об удушливых газах, о могучих подводных лодках, о пушках,

стреляющих на целую сотню верст, о летательных машинах, не боящихся ни ветров, ни даже бури, о сложных и хитрых самодвигателях и пр. Война все это создала и не бывало усовершенствовала; в четыре года ужасного напряжения создано было столько, сколько за сорок лет раньше не создавали. И это не пропало: за безумием последует умнейшее использование добытого опыта. Сотни тысяч пленных разнесут новое знание, добытое на чужбине и в неволе; кто раньше весь век свой сиднем сидел, тот увидел многое и небывалое, не только страшное, но и полезное; удушливые газы будут выпускаться на полевых вредителей, до которых раньше трудно было добраться, заменяя все прежние недостаточные способы борьбы с ними; аэропланы будут возить почту и пассажиров, и вообще установится безконечно более дешевое и скорое „воздушное сообщение“; то, что давало небывалую силу и скорость чудовищным снарядам, будет перенесено в область полезных двигателей; если ранее меч перековывали на плуг, то современные инженеры перечертят дальнобойные орудия и всесокрушающие танки на новые мощные машины. Словом, толчек дан, и он будет использован.

И так было всегда. Даже война не может задержать культуры; она невольно как бы способствует ей. Народы враждебно бросаются на народы, и все же они, опять невольно, сближаются. „Братания“ были не только в конце войны, при всеобщей усталости, но и всегда; многие тысячи за время войны научились чужим языкам, о чем раньше никогда не помышляли; многие видели другие края и иные порядки, подметили разницу, но заметили и великое, всеобщее сходство. За озлоблением войны, даже вместе с ней, идет вдумчивость, большее расположение друг к другу, взаимное уважение.

Таким образом, даже самое страшное из зол не может задушить культуры. Она бесменна и всепроникающа. После этого примера, конечно, легко понять, что никаких других серьезных преград тоже не может быть. Культура *бессловна*

и *всесословна*. Нет высших или низших, ибо культуру не дают, ее берут. Всякий, у кого есть верный глаз и сильная воля, становится ея работником и творцом. Именно, работником и творцом одновременно. Кто барствует и прохлада-
жается—остается позади; он может жить в величайшей роскоши, но, не давая ничего нового, он для будущего является настоящим мертвцом, жизнь которого прошла безследно и никчемно. Таких бедных богачей не мало, как много, к счастью, и богатейших бедняков.

В основе культуры и сейчас, и всегда, лежал *труд*, полезный труд, создающий новые ценности. *Культура—вели-
кий рабочий кооператив*. Весь мир, и в прошлом, и в насто-
ящем, огромная мастерская, в которой ни на минуту не прекращается работа. За бесконечным количеством станков стоят все народы, большие и малые, делая общее дело. Ежели выкинем кого-нибудь, мы сразу станем беднее. Впрочем, выкинуть и нельзя, так как мы сами не знаем, сколько у нас „своего“ и сколько, к счастью, чужого.

Часы (со странным их делением на 12, а не на 24) и вообще измерения времени (минута, неделя, месяц, год)—открытие Древнего Востока и давно исчезнувших народов; оттуда же прошло искусство письма и наша азбука; там же впервые добывались и разрабатывались металлы¹), от давно исчезнувших также Греции и Рима идут многие науки и искусства, особенно знания общественные (социальные), много чуткости и верного, углубленного понимания людей и их отношений²); арабы, некогда славные и сильные, как мы увидим, много поработали над математикой („арабские“ цифры; „алгебра“!), механикой, физикой, химией; с другой стороны они были посредниками при передаче в Европу из далекой Азии (Китая) компаса, пороха, шелковой мануфактуры, а также перенесения секрета изготовления писчей

¹⁾ Готовится книжка Н. М. Никольского: Древний Восток и его культура.

²⁾ См. книжку Д. П. Кончаловского „Что дала нам культура Древнего мира“, а также особую книжку „Культура древней Греции“.

бумаги, без которой не могло бы быть книгопечатания вместо прежнего книгописания¹); Индия дала обработку хлопчатой бумаги, изготовление тканей; отважные и беспокойные „варяги“ намного улучшили кораблестроение и мореплавание и т. д., и т. д. Даже дикарские народы Америки не только обогатили все языки новыми словами („ураган“, „каннибал“ и пр.), но дали нам и важные новинки — хину, каучук, какао, табак и пр.; те же дикари Америки и Африки научили нас многому, между прочим, заставили задуматься над „первобытными“ формами семьи, общественного устройства, религиозных воззрений²), предположить, что и мы некогда были дикарями, что и наши предки лишь постепенно выбрались из убожества и умственной нищеты. Даже монголы (татары), сокрушительное нашествие которых всегда вспоминается не добром, оставили много важных следов, и, например, слово „товар“, перенятое у них (а отсюда и „товарищ“), показывает, что они не только жгли и уничтожали.

Словом, на что ни посмотришь, все почти носит чужое клеймо, было когда-то новостью и редкостью, а теперь стало обычным, необходимым, как будто „своим“. А ведь мы взяли лишь некоторые, давние умения. Остается еще вся масса современных, более новых открытий и изобретений в области науки и техники, а также замечательный обмен благами отдельных стран, когда на скромном столе сосредоточены — чай из Китая, кофе или какао из Америки, рис из Индии, дешевые сушеные фрукты из Калифорнии и т. п.

Подлинно, весь мир одна великкая мастерская. Живем мы умением и радением своим и всех остальных людей, как теперь существующих, так и давно уже бывших. Нет ни разницы места, ни разницы времени. Ни одна полезная кручинка не пропадает, а подобно малому зерну евангель-

¹⁾ Подробнее в книжке Е. А. Косминского: Первые книги. См. также книжку П. А. Фальковича: Первые газеты.

²⁾ См. Н. А. Кун: Ранняя религия, а также отдельную книжку: Начатки общественной солидарности.

ской притчи широко проиразрастает и осеняет всю землю. Широкий, чуждый мир становится малым и милым; разница окраски кожи, чужестранность или просто странность народов исчезают перед великой совместностью их работы. Вместо человеков и народов — *все человечество*, громадное и постоянное *братство* в общем труде. Ни войны, ни иные размолвки и разногласия не влияют. Исчезновения и смерти как будто нет. Даже если гибнут и исчезают народы, растворяются в других, — все же остается и передается то, что они создали на благо себе и другим.

История культуры и дает нам картину постоянного торжества над смертью и забвением. Она рассказывает о складчине народов, вольной и невольной, в великом деле освобождения человека от невежества и бедности. История культуры — бодрая наука; она говорит об успехах и победах, но не тех победах, от которых пахнет кровью и слезами. Героями тоже особого склада: люди труда, умственного и физического, часто самоучки, скромные, не кричащие о себе, несмотря ни на какие успехи. Теперь мы их знаем поименно, гордимся ими, хотя гордимся все еще мало. Ведь мы все еще привыкли к мишуре, к шуму и крикам, окружающим „великих“ людей, т. е. руководителей в политической, военной и пр. областях. Начальник, безразлично „министр“ или другого названия, все же, по старой привычке, кажется нам более значительным, нежели рядовой его „подчиненный“, хотя тот изо дня в день, спокойно и без лишних слов, нередко рискует своей жизнью. Герой как будто немыслим без шумной толпы, восторженных криков, грома музыки и пальбы, иллюминации и речей. Но разве не подлинный и лучший герой врач, который борется с заразными болезнями, который вдали от людей, чтоб нечаянно не повредить другим, делает свое опасное и славное дело. Часто он заражается и умирает одиноко (опять, чтоб не погубить других; так было в Австрии, так было у нас, на островке Голодое около Петера; в обоих случаях делались опыты со страшной чумной заразой); он лучше

других знает, что спасения ему нет, знают это и его товарищи; но над молодой смертью отважного бойца за жизнь теснее смыкается ряд, и его же товарищи бодро выступают на новую борьбу, лозунг которой—либо жизнь другим, либо смерть себе. Конечно, это настоящие герои. Их много, очень много; без них не было бы культуры. Но знаем ли мы их, и ценим ли их по достоинству? Нет еще.

Да многих и нельзя знать по имени, либо за давностью времен, либо потому, что важное изобретение было зараз сделано в нескольких местах. Величайшие благодетели человечества нам, таким образом, неизвестны. Кто, например, впервые добыл огонь? Ведь огонь один из самых могучих союзников человека: он оградил его и от свирепых хищников, и от постоянного холода, который убивал ум и силы, и от сосущегоечно голодна, так как можно было лучше заготовить запасы; он стал надежным инструментом (выжигание лодок, обостривание и закаление кольев), он дал великий толчек технике—легче раскалывались камни, случайно наткнулись на плавку металлов.. Добыча огня—одно из величайших открытий. „Люди огня“ сразу стали головою выше всех остальных соседей, и, конечно, люди много раз хотели доискаться до „изобретателя“; изображали его гордым исполином, который извлек силой или хитростью молнию с неба, стал как бы божеством, перенесшим небесные секреты на бедную землю. Это очень красиво, но.... очень неверно. В разных местах и в разное время „открыли“ добычу огня; и были это дикари, которые только после открытия перестали ими быть.

Так же дело обстоит и с многими другими важными открытиями и изобретениями. Вот—лук и стрелы. Простая, детская игрушка на наш теперешний взгляд, а для тогдашних людей—сложный и хитрый инструмент безконечной важности. Ведь им впервые было *побеждено разстояние!* А вместе с этим и самый лютый враг—голод. Рука, даже самая сильная, слишком коротка, дубинка или хотя бы копье лишь на икмного ее удлиняют; лук и стрелы доста-

ющие издалека, произвели, поэтому, такой же переворот, как впоследствии появление пороха и ружей. Разумеются, мы не знаем первого мастера луков, но любопытно, что неизвестен нам и первый оружейник. Из далекой Азии, из Китая, постепенно просачивалось знакомство с порохом, сперва для забавы, для фейерверков, затем с боевой целью, а потом и для технических надобностей.

Не знаем мы и „изобретателя“ азбуки и письменного языка начертания; не знаем первых укротителей животных, сделавших их „домашними“; не ведаем первых кораблестроителей, врачей, инженеров... Словом, нам неизвестно большинство *культурных героев*. И все же такое незнание нас не тяготит. Тем и отличается „история культуры“ от „истории“ вообще, что она, без всякого вреда для себя, может быть *безимянной*. Деятелей мы зачастую не знаем, но *дело* их и *распространение* этого дела мы узнать и уследить можем вполне. Это и есть *история культуры*.

Постепенное распространение культуры, от первых начал и до захвата ею почти всей земли, мы и должны сейчас разсмотреть. Для этого возможны два способа. Либо длинный рассказ, со множеством подробностей, очень интересных, но не всегда достаточно понятных; либо *чертеж* (карта) с *наглядным* изображением того, как расширялась культура, где она наметилась сперва, и каковы были ее дальнейшие шаги. Чертеж и яснее, и проще, особенно если им пользоваться правильно. Конечно, к нему нужно привыкнуть, а посему хорошо запомнить следующие советы:

с чертежами нужно не только „советоваться“, т. е. изредка в них заглядывать, а *изучать* их; именно — читая *объяснения* к чертежу, нужно *постоянно* справляться по *самому* *чертежу*, держа его *все время раскрытым*;

тогда и обяснения надолго и накрепко останутся в памяти, и прибавится еще, наверное, ряд собственных интересных наблюдений.

Культура постепенно обошла *весь* мир, а потому и на чертежах он представлен почти целиком, за исключением лишь самых южных и северных частей („полюсов“), еще не населенных. Но, давая *всю* нашу землю, пришлось изобразить ее в очень мелком размере (масштабе), т. е. не нужно забывать, что на *миллиметр* чертежа приходится *ровно 100 верст*. Видя, поэтому, постепенное и как будто „незначительное“ продвижение культуры, все время нужно помнить, что дело идет о *многих сотнях* и даже *тысячах* верст, и тогда шаг культуры не покажется вовсе столь медленным. Нужно иметь также в виду, что земля наша имеет общее население почти 2.000.000.000 (две тысячи миллионов или два миллиарда) людей, до каждого из которых культура должна была дойти в большей или меньшей степени, и тогда с еще большей ясностью представится вся громадность культурной работы.

Малый размер чертежа сослужит, может быть, еще одну службу. Мы лишний раз убеждаемся, какую ничтожную частичку составляют земли, из-за которых, вроде Эльзаса, веками шла глубокая размолвка между соседями (Францией и Германией), набрасывающихся много раз друг на друга в беспощадной войне. С другой стороны, мы наглядно видим, как культура, постепенно обединяя человечество в одно целое, давно уже не считается с границами отдельных народов; и хочется верить, что недалеко то время, когда великие задачи культуры окончательно осилият всякую мелкую местную рознь.

Стоит отметить еще одно отличие предлагаемых чертежей от обычных карт. Совсем мало, например, названий. Почему? Потому что культура *вспреникающая*, как мы знаем; границы разных государств и народов для нее значения не имеют—она их перешагивает смело и неуклонно. В Ев-

ропе много разных народов и государств, но постепенно сложилась и теперь совсем укрепилась одна общая культура, а потому на чертеже VIII вся Европа заполнена одной и той же „шраффировкой“ (заштриховкой), независимо от разницы государств и народов.

Но так было не всегда, и если обратить внимание на карты предшествующие, то шраффировка в Европе будет еще *разная*. Это обозначает, что общая культура установилась не сразу, а шла постепенно, нередко толчками. Поэтому:

внимательно следите за шраффировкой!

Только тогда легко понять, как народы сменялись народами, как недавние дикари и насилиники покорились силе знания, как даже войны и нашествия не могли не служить на благо, не говоря уже о том, что расширение образованного и работающего народа всегда сопровождалось таким же расширением культуры.

Подмечая все это, мы уловим самое главное. Мы убедимся, как сперва весь мир как бы „пуст“, т. е. малокультурен, ибо в нем идет не жизнь, а жалкое прозябание, постоянная погоня за пропитанием, голодное и сумрачное существование. Мы убедимся также, как затем культура постепенно захватывает все большие пространства, сперва близких соседей, потом и более далекие народы, как между соседями происходит *взаимный обмен* знаниями и уменниями, *смешение культуры* (или „перекрецивание“; обратите внимание на это чрезвычайно важное явление, которое и на карте отмечено в виде *смешения двух шраффировок*), как со временем образуется тут одна „общая“ культура, которая, в свою очередь, сама расширяется, покоряет себе или тоже смешивается, и так далее, вплоть до того, когда *вся* наша земля не покроется единой *всемирной* культурой.

Видя это и понимая это, мы действительно уверимся, что культура—самое ценное и самое главное, что до сих пор сделал человек за многие тысячи лет своего существования.

вания. Что это настоящее давнее *братство в труде*, и что всякие размолвки между народами, все распри и даже войны, кажутся жалкими и безсильными перед этой великой задачей. Она еще не закончена, как мы убедимся, но самое трудное уже сделано, *несмотря на неуживчивость и драчливость народов и разных правителей*. И невольно возникает бодрящая, замечательная мысль: если *помимо* воли народов культура все более и более расширялась, связывая их в одно большое всемирное культурное человечество, несмотря на дрязги, ссоры и губительные войны, то *насколько же эти успехи увеличатся и ускорятся, когда культура будет проводиться сознательно*, т. е. когда все или большинство народов действительно по-братьски, без перерывов и грызни, станут трудиться только на благо, а не во вред друг другу.

Обратимся же теперь к *истолкованию* отдельных чертежей-карт и их связи, чтобы проследить главнейшие *продвижения культуры* и убедимся во все большем *ближении народов* на почве общей культурной работы.

I.

(Одновременно раскройте и держите открытым
и самый чертеж I-ый!)

Время очень давнее—за тысячу лет до Р. Хр. (Рождества Христова), т. е. *три тысячи* лет тому назад. Три тысячи лет—громадный промежуток: втрое дольше, чем существует русское государство, и вдвое дольше, нежели впервые появляются славяне, частью которых являются и мы, русские.

И все же это очень давнее время не есть „начало“ культуры. Культура намного старше, еще на несколько

тысячелетий¹⁾, и если мы рассматриваем столь „позднее“ время, то лишь потому, что мы тогдашние условия знаем хорошо и доподлинно, что не приходится нам гадать и предполагать.

Что же особенно бросается в глаза? Культура (как видно по „шраффировке“) захватила еще *немного* мест, и некоторые находятся далеко на отлете, мало или совсем не общаются друг с другом. На особом положении, например, *Китай* (на двух великих реках—Хуан-хо, т. е. „Желтой“ реке и на реке Ян-цзе-кианг), и независимо от него, а так же без связи с другими культурными местами, тоже по двум рекам (Инд и Ганг)—*Индия*. Затем, опять таки на междуречье (реки Евфрат и Тигр) могучий *Вавилон*, и на громадной плодородной реке (Нил) не менее сильный и умный *Египет*; наконец, по безчисленным островам (они мелки, а потому на чертеже не даны; за то „зашраффировано“ само море) и побережью раскинулась культура *Крита* названная по главному ея месту, острову Криту.

В *пяти* местах, значит, и *независимо* друг от друга, при благоприятных условиях, чаще всего на равнине большой плодородной реки, люди соединились в общем труде и достигли больших успехов. Уже существует благоустроенное государство; процветают ремесла (много отличных предметов того времени найдено в земле, и их можно теперь видеть в музеях), хотя железа еще нигде нет, и все орудия и оружие пока лишь из меди; развиты торговля и мореплавание. Всюду есть уже умение писать, а в некоторых местах (в Индии, Вавилоне и Египте) существуют не только деловые записи, поневоле краткие и невзрачные, но и изящная литература, т. е. прекрасные по мыслям и исполнению песни и другие сочинения, из которых некоторые дошли и до нас.

¹⁾ Об этой «первобытной» культуре см. в книжках: Человек и природа; Развитие техники; Ранняя религия; Начатки общественной солидарности.

С великим почтением должны мы взирать на эти давние успехи. То, что достигнуто было тогда, перешло к другим народам, сперва соседним, потом дальним, и так, изменяясь и улучшаясь, нередко докатывалось и до нас. И если бросить внимательный взгляд на карту, мы убедимся, что такое *взаимное влияние* уже началось. Всмотримся в „шраффировку“. Для Вавилона и Египта — одна и та же. Это значит, что, будучи сперва совсем не похожими, они настолько сблизились, так чакто обменивались своими знаниями и уменьями, что можно говорить уже об *общей* культуре, которая стала сильнее и богаче, нежели каждая из прежних отдельных культур. Недаром между Вавилоном и Египтом не пустое пространство, а культурные народы той же образованности (оттого и та же шраффировка), полученной отчасти от Вавилона, отчасти от Египта. Таковы *Хетты*, *Евреи*: 1000-й год — время „мудрого“ Соломона с его большими постройками и обширной торговлей, отчасти при помощи *Финикийцев*, живших подле Евреев, на берегу моря.

Но и этого мало. Общая вавилоно-египетская культура сделалз уже крупные и далекие „завоевания“: на юге Аравии (а также на противоположном берегу Африки, через большой залив), на побережье Индийского океана, находилось видное государство *Савское*, а в самом океане, точно передовой страж, остров Сокотра (и теперь еще „Сокотра“). Значит, не только по сухопутью, но и *по морю* продвигалась эта культура; были поездки по берегу Африки на юг, были и *сношения с Индией*, которая, таким образом, в это время уже не совсем обособлена.

На море выводит и интересный культурный коридор от Вавилона к *Черному морю*, одна из самых давних дорог для сношения севера и юга. Конечно, Вавилон не останавливался на берегу; отважные и предприимчивые людишли и на море, и за море, разнося знание и умение по всем берегам Черного моря (вот почему на следующей. II-й карте это побережье уже втянуто целиком в культурный оборот)

Но восточная (авилоно-египетская) культура прошла и далеко на Запад. Пуны, сильное и умное племя, крепко засели на севере Африки и в дальнейшем сыграли важную роль в распространении культуры. Упервшись в море, Пуны и их соплеменники, опять таки не остановились. По большим островам (отмечены шраффировкой у нас особенно два—Сардиния и Сицилия, на карте „Сиц“, с богатейшими полями и пастбищами) они перешли на материк Европы, в „среднюю“ Италию, создав сдесь новый очаг культуры (Тирренцы-Этруски; на карте не помечены, чтоб не загрождать ее названиями).

В ту же небольшую Италию, но уже на юге (а также на остров Сицилию), культура проникла из другого места— через море, от восточного соседа, Крита. Италия как сказано, не велика, и оба культурных течения должны были столкнуться и смешаться, пополняя друг друга, иногда и состязаясь друг с другом, а ведь всякое состязание увеличивает силу, закаляет волю, является важным и ценным.

Такое же полезное смешение, как видно на карте (шраффировки справка налево и слева направо при смешении дают „сетку“), получилось и в других местах: и на побережье М. (Малой) Азии; и на самом острове (особенно восточной его части) Крите; и на другом острове—Кипре (на восток, между М. Азией и евреями), который был в то время особенно важен, так как заключал в себе самый нужный материал, богатые залежи меди; и на побережье материка (подле евреев); и, наконец, на окраине могучего и сильного своими знаниями Египта, по береговой его части. По последнему примеру видно, что не только малообразованные народы доступны были чужой культуре, но и высокообразованные; знания и умения столь разнообразны, что всегда найдется чему-либо поучиться, и всегда всякая новинка должна приветствоваться.

Таково далекое, очень далекое прошлое. Как видите, уже тогда совершенно явственно отмечается самое главное: народы не только дерутся друг с другом, но и совместно

строят лучшую жизнь, помогая и влияя друг на друга. На этой почве они и *сближаются*, создают все более и более сходные общие условия. Культура расширяется, и главное ея направление в ту пору—с *Востока на Запад*. „Старушка“ Европа, как ныне ее называют, в те времена не только молода, но и просто младенец: только две ее наиболее южные части (Италия и Критская держава, которая позднее будет называться Грецией) захвачены настоящей культурой. Всё остальное еще не пробудилось, ждет примера и урока.

Этого былого *культурного младенчества* Европы не следует забывать, так как мы, европейцы, очень склонны приписывать себе слишком крупную роль, свысока смотреть на другие народы, особенно цветные и дикарские, забывая, что не так уже давно (всего лишь 3000 лет тому назад) мы все, т. е. вся Европа, были подлинными дикарями. К счастью, было у кого учиться, и с каждым новым успехом шаг культуры становился, как мы убедимся, все более ускоренным и уверенным.

II.

(Опять раскройте и все время наблюдайте карту!).

Прошло лишь 500 лет, и сближение народов, а вместе с этим и расширение культуры, могуче двинулось вперед.

Прежние пробелы во многих местах исчезли; *Восток и Запад почти непрерывно связаны*. Китайские товары и знания подошли и к Индии, и к *Персии*, новому громадному и культурному государству, которое вобрало в себя богатый опыт прежнего Вавилона и Египта. Персы вплотную примкнули. (недаром образовалась на всем побережье М. Азии опять „смешанная“ культура; все время обращайте внимание на шраффировки!!) к *Греции*, тоже новому замечательному культурному народу, тоже опиравшемуся на более старинную (Критскую, как мы знаем) культуру. Греки, шагнув за море,

подошли и отчасти размежевались с Пунами и другими древними образованными народами, кое-где (например в Италии и на острове Сицилии) дав опять „смешанную культуру“, как видно и на карте, и только в самом северо-западном углу Средиземного моря, в *Галлии* (теперь---Франции) осталось еще полудикарство.

Народы сблизились, и каждая его культурная часть сделала многое. Китайские знания и умения шагнули в Корею и Японию, значительно продвинулись на юг и далеко на запад, несмотря на постоянные затруднения и перерывы со стороны диких народов, вследствие чего и получилась такая извилистая, как вы видите, линия распространения. Расширилось и влияние Индии, может быть даже больше, нежели отмечено на карте, так как многое мы до сих пор еще не знаем как следует. Очень много сделала, как видите, Персия, наследница Вавилона и Египта, покрыв на материке громадную сплошную площадь, до Каспийского моря и Индии, а также повлияв во многих местах побережья Аравии и Африки, углубив, наконец, культуру на много вверх по реке Нилу в Египте.

Прямо изумительны успехи маленькой *Греции*. На все четыре стороны раскинулись ее действия. На севере она снабдила богатым кольцом городов все побережье Черного моря, подымаясь иногда, особенно в поисках за хлебом (тут ведь многорожающий чернозем), и вверх по главнейшим рекам. Еще ныне во многих местах русского Юга имеются развалины этих городов, находятся изящные предметы утвари, разный домашний скарб, множество греческих монет и пр. Все это поступает в разные музеи и собрания, и можно лишь пожалеть, что до сих пор не сговорились устроить один, большой и образцовый музей, чтобы прекрасные эти остатки не распылялись по многим местам, чтобы количество их было действительно большим, а впечатление от них особенно сильное.

В восточном направлении греки также создали непрерывную почти побережную кайму в М. Азии, давая интересное

и важное смешение культуры, иногда довольно глубоко (см. карту! не забудьте при этом, что 1 миллиметр карты = 100 верстам!) идущей во-внутрь страны. На юге они не только остались на прежнем важном месте, в Египте (опять „смешение“, как Вы видите), у самого устья Нила, но завладели (как видно по шраффировке) и значительной частью побережья Африки, где находились такие плодородные места, что греки считали их „райем“. На западе они также не только продолжали дело своего предшественника (Крита) в Италии и на острове Сицилии, но прошли и дальше, обосновав в родных местах морского побережья множество городов, от которых местные люди могли опять черпать новые знания и полезные навыки.

Маленькая Греция сделала, можно сказать, больше других, и недаром ее влияние и на тогдашних людей, и на последующие поколения, *вплоть до нас¹⁾*, было исключительно велико и важно. Вот почему ее работы, ее ум и красота и до сих пор вспоминаются всеми с особой благодарностью, вот почему о ней так много пишут и сейчас.

Высокополезную работу свершили и Пуны. Уже самое расширение (если сравнить с картой I) показывает их силу и предприимчивость. Все побережье Африки, притом далеко на юг, они закрепили за собой и своей культурой, затем перешагнули и в Европу, в Испанию, дотоле еще дикарскую, но богатую полезными дарами природы, особенно металлами, серебром и медью. Побывали Пуны даже на каких-то островах Атлантического океана, столь роскошных и изобильных, что их стали считать „Счастливыми“ островами, „Блаженной“ страной, т. е. своего рода раю. Насколько сильны и деятельны были Пуны, видно из того, что даже Греки с ними должны были размежеваться.

Итак, настоящая жизнь закипела всюду и везде. Даль уже не пугала людей. Море, некогда столь страшное, сдела-

¹⁾ Подробнее Вы найдете в указанных уже особых книжках: „Что дала нам культура Древнего мира?“ и „Культура древней Греции“

лось лучшим их другом. Недаром проложен был, со страшными затратами и усилиями (инженерное искусство стояло еще невысоко), но вполне благополучно, *первый канал* в мире для соединения моря Средиземного с глубоким заливом (так назыв. Красное море) Индийского океана. Работа „египетская“; и не потому, что сделана она была в Египте и Египтянами, а потому, что нужны были невероятная настойчивость, тонкая наблюдательность и большая уверенность в себе. Канал было не только трудно вырыть, но и нелегко поддержать, так как окружающие его пустыни его постоянно засаривали и заносили песком, и недаром ныне, на Суэцком канале, без устали, круглый год, работает до двух десятков мощных паровых и электрических землечерпалок и углубителей. Впрочем, замечательный египетский канал проходил не там, где находится теперешний канал мирового значения (Суэцкий; см. карту VIII), а он соединял приток реки Нила с морем. Но как теперь, так и тогда, канал однаково свидетельствовал о великой моши человека, *властившего над природой*, о великом и безудержном его стремлении использовать самый лучший путь для передачи богатств и знания, путь *водный*.

Не случайно, поэтому, в это же отдаленное время сделаны были и первые *далекие путешествия*, безумные, казалось бы, по отваге, но вполне удачные по исходу и замечательные по последствиям. Люди впервые далеко проникли в *неизведанные* дотоле области. Из только что указанного канала вышли, по предложению египетского правительства Финикийцы (их путь на карте обозначен линией из точек; обратите внимание и на „стрелки“, указывающие направление), и в течение *трех лет* окружили *всю Африку*, доказав, что она остров, и благополучно вернулись через Средиземное море в Египет. Только через 2000 лет, как мы увидим (см. карту VII), вторично будет совершен этот кружный путь, а затем он станет все более простым и обычным.—Или еще. Из одного греческого города на берегу Галлии (Масилии, теперь—Марсель) вышел другой отважный путешеств-

венник, Питеас, и направился далеко на север (предполагаемый его путь на карте обозначен маленькими черточками), может быть вплоть до Балтийского моря.

Итак широкий мир стал не столько пугать, сколько манить людей. Правда, движение культуры не во все стороны идет пока одинаково успешно; культура все еще держится в *средней полосе*, мало затрагивая особенно северные страны, распространяясь по прежнему главным образом с *Востока на Запад* и лишь отчасти на Юг, но за истекшие 500 лет работа сделана большая и надежная.

III

(см. как всегда карту!).

Проходит вновь около *пятисот* лет. На первый взгляд как-будто особых крупных изменений не произошло. Но, это—только на первый взгляд. Прежде всего, например, бросается в глаза большая новость—воспрянули спавшие пока народы. В „пустовавшей“ до сих пор *Америке*, в двух местах, независимо друг от друга и независимо, насколько мы знаем, и от Азии, и от Европы, образовалась впервые *своя* культура. С другой стороны, и в „старых“ Европе и Азии получились и значительное расширение, и вообще важные изменения, как это видно при внимательном рассмотрении карты.

Как раз *Север* и *Юг*, остававшиеся раньше в стороне, теперь сильнее втянуты в оборот. В Европе культурные границы захватили часть теперешней Англии (по тогдашнему—Британии), а также дошли до двух великих рек, *Рейна* и *Дуная*, почти не перешагивая через них, так как дальше идут не только сильные, хотя и дикарские народы (*Германцы*), но и непроходимые лесные дебри и болота, с которыми справиться было еще труднее. В Африке куль-

тура тоже продвинулась вглубь, несмотря на громадный пояс пустыни — Сахары, а также и вдаль — на юг, по восточному берегу Африки. И в Азии произошло уплотнение культуры: за исключением севера (как и в Европе), да немногих горных, а посему малодоступных, мест, культурные народы сдвинулись вплотную, образовали большую общую цепь. Окончательно *сблизились Азия и Европа*, и далекие друг от друга Рим, Индия и Китай не только обмениваются товарами, но и посольствами, и прежде всего новыми знаниями и уменьями.

Полезное *смещение* разных культур тоже далеко двинулось вперед, как Вы видите по чертежу („перекрещивание“ в виде сетки); в других же местах, особенно по всему побережью Средиземного моря, там, где еще 500 лет тому назад были разные культуры, получилась теперь сплошная, почти *общая* культура. Много способствовало ея установлению и укреплению могучее расширение *Римского государства*¹⁾.

Небольшой когда-то город в небольшой же Италии, Рим, постепенно овладел всей Италией, прилегающими большими островами, рядом соседних, а затем и далеких земель, в изумительно короткое время образовав невиданно громадную „империю“ (державу), охватившую культурную Европу, часть Азии и Африки. Значительная часть тогдашнего мира оказалась *об'единенной*, и память всех народов еще много сотен лет вспоминала это об'единение, так как оно дало много хорошего и, прежде всего, возможность обогатиться без всяких помех и затруднений новыми знаниями и благами. „Римский мир“, т. е. безопасность путей по суше и по морю, римское право, т. е. правильный и умный разбор судебных дел, латинский (римский) язык, ставший *мировым* языком, всюду и везде понимаемый,—вот что небывалым образом сближало и успокаивало народы.

1) Подробнее см. в книжке Д. П. Кончаловского «Римская держава».

Насколько народы сблизились, видно хотя бы из двух примеров. От латинского языка произошел целый ряд теперешних языков (так называемых „романских“) — итальянский, французский, испанский, португальский, далекий (на низовьях Дуная) румынский и отчасти английский. Что это значит? Ведь за передачей языка чужому народу всегда кроется нечто важное и сильное. Нельзя думать, что народ этот просто „завоеван“; тогда он обыкновенно замыкается, с особой ревностью оберегает свою родную речь. Нет, перенятие чужой речи обозначает, что данный народ внезапно получил столько новых и ценных понятий и привычек, что не успел подобрать и наметить собственных своих названий, т. е. что на него благодетельным потоком нахлынула неведомая дотоле культура, полонила его ум и сердце, заставила на многое, если не на все, смотреть новыми глазами и говорить обо всем новым языком. Народ значит, *преобразовался*; о таком культурном преобразовании и *перерождении* и говорит нам *смена языка*.

А что подобные перерождения должны были бы быть не кратковременными, и надежными, об этом свидетельствует другой факт. Посмотрите на карту. Видите, как вся почва Римского мира перерезана путями из точек, точно большое тело с целой сетью жил, по которым течет живая кровь. Это — замечательные *римские шоссе*, прекрасно устроенные и поддержаные, тянувшиеся на тысячи верст по всем направлениям (на карте показаны далеко не все, а лишь самые главные), тесно связывая народы в одно общее целое. Значение этих шоссе не меньшее, нежели теперешних железных дорог. Они не только служили надежной связью, средством скорого и более легкого передвижения но и *вызывали* культуру и благодеяние там, где проходили, „поднимали край“, как теперь принято говорить; раскрывались разные медвежьи углы, обстраивались и заселялись давние пустоши. Легко и бодро шли по этим шоссе и люди, и товары, даже самые хрупкие и требовательные товары — новые мысли и знание. Новое жизненное учение,

как раз в эту пору появившиеся, *христианство*, многим обязано в своем быстром продвижении великому культурному об'единению, установленному Римской державой¹⁾.

Можно было ждать и дальнейшего надежного расцвета, но произошла большая, *передвижка народов*, сильнейший напор полудиких еще племен, на время приостановивший культурную работу в прежнем направлении.

IV

(см. карту)!

Толчек получился в Азии (турецкие племена) и передался в Европу (финны, славяне); потеснены были *германские* племена, долгое время сдерживавшиеся на линии рек Рейн-Дунай (вспомните карту III). Римский фронт в три тысячи слишком верст, удержаный с великим искусством и большим напряжением сил (мы теперь хорошо знаем, что значит тысячеверстный фронт!), был прорван в разных местах, а затем и совсем опрокинут.

Вторжение малокультурных („варварских“) народов в пределы образованного и замиренного Римского мира длилось долго и может казаться великим несчастьем для культуры. Погорели села и города, не безопасны вновь стали дороги, народы обеднели, громадная единая держава разбилась на множество мелких государств, словом—жизнь стала уже и хуже.

И все же эта беда не убила культуры, а расширила ее и тем самым способствовала ее дальнейшему усилению. Дело в том, что передвижка народов перемешала народы, встряхнула их, втянула в культурный оборот больше, нежели раньше. Опять военные победители стали культурными побежденными, должны были учиться, оценить и воз-

¹⁾ Подробнее в особой книжке: Борьба язычества и христианства.

становить то, что сами только что разрушили. Правда, усилиться и углубиться знания и умения не могли, но они перешли на большее количество народов.

Германцы, например, до подневольной передвижки, жили в своих лесных дебрях, в стороне от Римского богатого мира. Теперь они с ним смешались, прошли его целиком с севера на юг, вплоть до знойных берегов Африки. Попали они при этом не только на чуждую почву, но и в необычные условия; многое было ново и казалось диковинным; но многое они и переняли и многому научились. И вот *весь Запад Европы*, начиная уже с Балтийского моря т. е. начиная с таких отдаленных мест, куда еще ни разу не заходила культура, и до берегов Средиземного моря, покрылся *новой культурой* (шраффировка прямая, сверху вниз), составившейся отчасти из обломков старой (отсюда шраффировка „сеткой“, так как смешение!), отчасти и из новых усилий и успехов.—Восток Европы тоже испытал на себе (земли по Дунаю) эти изменения, но старая римская культура (как видно и на карте) здесь все же осталась на довольно большом пространстве.

Перемещения получились и в Азии, но опять-таки не только в виде разрушений и опустошений, но и раздвижения прежних культурных границ. Китайское влияние проникло более на север, подчиняя и здесь недавних диких победителей; шагнуло оно на юг, на один из громадных островов (Борнео), куда с еще большей настойчивостью (целых *три острова!*) стала теперь распространяться и культура Индии.—В другой части Азии образовалось большое и славное государство Новоперсидское (обыкновенно его называют царством Сассанидов), где знания Востока и Запада, старые и недавние, опять смешались воедино, обещая и здесь, как и в Европе, близкую обильную жатву.

Словом, вторжение „варваров“ *расширило* культурные пределы, а в будущем обещало и того более. „Варвары“ должны были сбросить свое варварство, войти равноправными членами в семью народов, возстановливая понемногу,

но в еще больших размерах, былое *единство культуры*. И Европа, и Азия стоят как бы на перепутье, на пороге великих и важных культурных событий.

V.

И порог этот переступили. Прошло вновь лишь 500 лет, но картина изменилась почти до неузнаваемости. Всю Европу можно опять покрыть *одной* шраффировкой, так как культура опять стала общей, единой, захватив, как Вы видите по чертежу, все новые народы и страны. Европа окрепла, сравнялась, об'единилась в этой общей культуре, хотя и распадалась еще на множество мелких государств. Общность культуры—великая сила, и это можно показать на двух примерах.

Внутри Европы неспокойно; извне грозят новые беды. С Востока и Юга идут страшные опасности: опять нашествия из Азии, *Тюрских племен*, а также *Арабов*. Одни—полудики, другие, уже полуобразованные, талантливые, легко и быстро переняли знания и опыт чужих культур. Но иго их одинаково неприятно. И вот разрозненная Европа, об'единенная лишь культурой, все же не подпадает ни под то, ни под другое иго.

Тюркское нашествие приостановлено на самых почти границах, и только окраина Европы, особенно *Славяне*, длительно испытали тяжелое соседство: с тех пор остались пришедшие тогда *Венгры*, и кое-какие остатки сохранились и по сейчас среди Болгар на Дунае.—Но много хуже это нашествие отразилось на нашей родине. Правда, с одной стороны образовались значительные государства на Волге (*Хозар*), и Каме (*Болгар*), далеко торговавшие—и с Азией, и Европой (через Волгу и Балтийское море, а также через Черное море), причем многое перепадало при этом и нам, но другие племена, наиболее буйные и дикие, разные *Чеченцы*, Куманы, Половцы и др., сплошь заняли степи по

побережью Черного моря, перерезая лучшие дороги, т. е. реки, чем и *отрезали нас* от одного из самых главных источников нашей культуры, от греков, с их замечательным городом *Константинополем* („Конст.“ на Карте; другое древнее название—„Византия“, или у нас в старину—„Царьград“).

Занимая степи, дикие кочевники перерезали и вообще наши культурные сношения. Существовал, например, стариный обильный путь „из варяг в греки“, т. е. от Балтийского моря (как показано на карте) на Новгород и Киев по рекам, а затем по морю, вплоть до Царьграда. Ходили по этому пути, судя по разным находкам и монетам, а также по воспоминаниям тогдашних писателей, много и часто. С занятием низовья рек закупорен был этот путь, и остались лишь суходутные сношения с Европой, с трудными горными перевалами, плохими и опасными дорогами от множества завистливых и грабительских врагов и недругов. Не удивительно, поэтому, что торговля, а вместе с ней и культура, приуменьшились на-много.

Кроме того, степняки тревожили нас постоянными набегами, жгли поселки, во множестве угоняли скот и людей. На борьбу со степью, на отбитие набегов, на залечение убытка в людях и достатках шло слишком много сил и средств. Вот почему культура у нас не могла расцвести как следует; мы остались как бы на задворках, *начали отставать уже тогда*.

Для Европы мы были передовым отрядом, чтобы отражать нашествия из Азии; первые и самые длительные удары приходились именно по нам; лучшие земли—черноморский чернозем—захватывались степняками. От многих бед мы оградили Европу, став для нея постоянным сторожем и защитой,—задача почетная, но хлопотливая и страшно тяжелая: начав отставать в развитии, нам уже трудно было выправиться.

Другое большое нашествие на Европу шло от *Арабов*. Они залили собой добрых две трети всего Средиземноморья. На их стороне не только военный успех, но большая куль-

турная помощь. Ведь Арабы, молодой и энергичный народ, жадно впитали в себя знания Греции, Египта, Персии, отчасти Индии; они вобрали в себя чужое знание, а потом прибавили и свое. Смело можно сказать, что большая часть тогдашней Европы была менее образована, нежели Арабы. Нашествие их, поэтому, не могло грозить новым, „варварством“. Опять, как встарину, свет как будто шел с Востока. Могло казаться, что арабская держава даст такие же выгодные условия, как прежняя Римская империя, что она обединить народы и сольет воедино разные культуры.

Действительно, успехи Арабов были и велики, и почти сказочно быстры. По карте Вы можете проследить удивительное их распространение: и в Азии, вплоть до смешения с китайской и индийской культурами; и в Африке, даже по бережью Индийского океана; и даже в Европе, где они заняли почти всю *Испанию* (в народном обычae и в языке и до сих пор осталось много арабского), южную часть *Франции*, перешагнули на мелкие (Балеары) и крупные (Сардиния, Сицилия) острова, обосновались на самом юге Италии.

И все-таки Западная Европа не „обарабилась“. Даже этот грозный вал она успела задержать; она не сдалась, Культура ея была хоть слабее, менее разнообразна, но она все же *была*. А тут ее и еще прибыло: Европа, отчасти невольно, отчасти по добной воле, училась многому полезному у восточных пришельцов. Особенно много перенял самый близкий сосед арабской Испании—Франция, и с тех пор она все более становится „передовой“ по образованности страной; много выиграла и Италия по той же самой причине. Даже далекий север Европы, Швеция, и тот не остался без прибыли. Сюда, с давних еще времен, шел большой торговый путь из Азии в Европу: по Волге и ее притокам (как Вы видите на карте) на теперешний Питер и Балтийское море с островом *Готландом*. И сейчас еще по этому пути находят старые клады, арабские монеты, иногда по несколько тысяч штук сразу.

Арабы, таким образом, где торговлей, а где и прямым владычеством, и на севере, и на юге, и на востоке, точно облапили Европу, и все же, как сказано, овладеть ею им не удалось. У каждого была *своя* культура, а лишь потом должно было решиться, кто же кого одолеет, *какая* культура *об'единит*.

Любопытно, что за это же время и в далекой, особливой Америке намечается как будто такое же *сближение* двух культур. До сих пор, как Вы знаете, культура была в двух местах, на севере и на юге, независимо друг от друга. Теперь, по *середке* между ними (см. карту!), возникла новая культура, на которой отразились и север, и юг, и можно было думать, что в дальнейшем и здесь, как и в Европе, должно произойти *слияние*, тем более, что новая срединная культура все более почковалась, давала все новые побеги и ветви, как видно на карте VI.

Вернемся опять в Европу. Она не только отбивалась, но кое-где уже сама наступала, причем самую большую отвагу показали „Норманы“, т. е. „северные люди“ (у них в старину называли „варягами“), которые и сами лишь недавно стали культурными. Народец небольшой, из небогатой страны, но неустршимый и предприимчивый, особенно на море. Норманы были и морскими разбойниками и налетчиками, и лихими купцами, и отличными моряками, и строителями кораблей, и редкими по силе и выносливости воинами. Спускаясь морем, а иногда по рекам, в более теплые и богатые страны, они, как мы видим на карте (пути их обозначены *линией точек*), не знали предела своей смелости. Они были обычными гостями („гостем“ тогда называли и купцов) и в русском Новгороде, и даже в Киеве, и в Англии, и во Франции, притом не только на побережье, и в Италии, и даже в далеком Царьграде. Кое-где они оседали надолго, основывали даже целые государства, например в нашем же Киеве (знаменитый, полускальный Рюрик был „варягом“), или во Франции, где одна земля „Нормандия“, и до сих пор называется по ним.

Но и этого мало. Они *впервые вышли за пределы Европы*, переплыли океаны, попали в малогостеприимную *Исландию* и населили ее, оттуда в еще более суровую *Гренландию*, а оттуда даже в *Америку*. Правда, в Америке они не удержались; мы не можем даже с точностью указать, в каких местах они побывали (вот почему на карте поставлены знаки??), но во всяком случае за 500 лет до Колумба, которого считают открывателем Америки, она была уже открыта Норманами.

Отвага и сила воли маленького племени Норманов как бы заранее указывали, что в завязавшейся борьбе Востока и Запада, Арабов и Европы, Европа может выставить немалые силы, особенно если она подучится у своих соперников и тем более укрепится в культурном отношении. Борьба эта не могла длиться слишком долго, а последствия ее должны были быть очень важными, вот почему мы должны шагнуть уже не на 500 лет, как до сих пор, а лишь на *трисста лет*.

VI.

При беглом даже взгляде на карту Вы легко убедитесь, что борьба закончилась, и не в пользу Арабов: при сравнении с картой V ясно видно, насколько сузились их пределы.

И арабская опасность, и арабское учительство сделали Европу сильнее и образованнее; сложилась надежная *европейская культура*, обединившая уже *всю Европу*, до самого севера. Более того; европейская культура даже стала *наступать* на Восток: некоторые части чужестранного мира, как видно по чертежу, либо совсем оевропились (Венгрия, значительная часть побережья и островов Средиземного моря, части побережья Черного моря), либо покрылись (в Испании или на востоке Средиземного моря) „сеткой“, т. е. *смешением культуры*.

Много сделали тут так называемые *Крестовые походы*, т. е. ряд военных предприятий различных европейских народов, направленных на Восток, на помощь и освобождение Ерусалима от арабского владычества. В Крестовых походах вся Европа проявила то, что недавно было отличием лишь Норманнов-варягов: громадную настойчивость, отвагу, большую жертвоготовность. Двести лет длилась борьба; неисчислимые, казалось бы, раны нанесены были и той, и другой стороне, но.... опять *война не убила культуры*.

Люди и целые народы, побывавшие на Востоке, расширили свои знания, хлебнули много доброй иноземчины, пообтесались, убедились во многих своих недостатках и недохватках. Во всех областях начинается *новая творческая жизнь*. Европа не обеднела от 200-летней борьбы, а обогатилась и укрепилась. Раньше она была деревенской, теперь стала городской¹⁾. Еще недавно ремесло работало на небольшую округу, на ближайших соседей, да и торговля была местной; даже ярмарки похожи были на наши сельские ярмарки—с малым с'ездом людей, с небольшим количеством товаров. Теперь же открылись широкие пути, не от деревни к деревне, а от народа к народу, от Европы в Азию, на тысячи верст. Ремесло крепнет, усиливается; появляется промышленность, широкая и *дальняя* торговля, и по морю, и по суще. Ярмарки соединяют товары целой страны, как наша Нижегородская, и даже более того—товары всего света.

Обогатилась Европа и в ином смысле: впервые появляются *университеты*, растет наука. Увеличивается вообще жажда знания; не хотят итти по чужой указке, стремятся дойти до всего самим. Странным и даже страшным казалось, что многие „днем работают, а ночью обучаются“, причем учат друг друга, часто тайком, на задворках и пустырях. Слышны повсюду, поэтому, новые и смелые речи, для од-

¹⁾ Подробнее см. А. К. Дживелегов „Вольный город в Европе“ и Е. А. Косминский „Деревня на Западе.“

них — на великую утеху, другим на страх. Загорается борьба мнений; то здесь, то там вспыхивают тяжкие думы и сомнения....¹⁾). Европа по иному стала и работать, и мыслить, а стало быть и жить.

Захвачены были бы и мы, Русские, в то благое разлитие знаний, если бы на нас не обрушилась новая беда — *татарщина*, сперва сокрушительное нашествие, а затем долговременное иго.

Вновь повторилось то же, что и при прежних передвижках народов: азиатское нашествие не обрушилось на Европу полностью; первый удар приняли мы, и дорого за него поплатились. Всем известно, что татарщина нас надолго оторвала от всей остальной Европы и ея замечательного развития, заставила нас сильно отстать от других народов, вобрать в себя много чужого, прямо вредного. Отвратительная и безмысленная матерная брань, до сих пор еще не исчезнувшая — вот один из печальных остатков того лихолетья; азиатское презрение к чужому достоинству и жизни, холопское преклонение и многое других скверных качеств не могли не развиться у народа, который потерял свободу и рабствовал на своего победителя, некультурного степняка.

Но.. даже татарская беда не прошла без пользы. Произошло новое *сближение народов*. Посмотрите на карту. Монголы захватили целиком *всю Азию*; неслыханное дотоле дело! Отсюда получилось, во-первых, что народы Азии стали друг другу ближе, так что более культурные части, как Китай, Индия, Персия должны были *послужить* на менее образованных соседей, даже на самих татар. А, во-вторых, и сама Азия, *далняя Азия*, стала ближе к Европе, в которую она теперь (в России) как бы врезалась глубоким клином.

Татары для своих надобностей провели и обезопасили множество дорог; теперь по ним потянулись и отважные путешественники, и товары. Сказочный, неизвестный дотоле

¹⁾ См. особую книжку — Духовная культура Средневековья, а также А. К. Дживелегов: Что такое Возрождение?

„Дальний“ Восток стал доступен и понятен. Насколько расширились знания его, Вы можете судить по карте, где указаны пути двух замечательных путешественников—италианца Марко Поло и голландца Рубрука¹⁾ („стрелки“ показывают *направление* их пути, что особенно важно для Марко Поло!) По этим же путям шли, как сказано, и товары, и Европа, особенно Италия, устремилась в Черное море и его залив („Азовское море“), на благодатный Крым, куда привозились в большом количестве азиатские богатства.

Татарская держава, охватившая всю Азию, вскоре распалась, но связь Европы и всей громадной Азии *осталась*. Если затруднены будут прежние пути, Европа постараётся найти новые. Недаром незадолго до 1300 г. Итальянцы дважды пытались пройти *морем* кругом Африки (см. Карту), как это в давние времена сделали Финикийцы (см. Карту II). Обе попытки не удались; до коих пор дошли отважные открыватели—мы тоже не знаем, так как все они погибли. Но дело их не могло погибнуть. Европу и Азию нельзя было более разорвать и разединить. За неудачными попытками последуют более удачные, и через 300 лет задача будет решена.

VII.

Великие открытия совершились²⁾: найден был морской путь в Индию (т. е. Азию), попутно открыта была новая громадная часть света, которую вскоре прозвали *Америкой*. Новостей нахлынуло так много, что необъятный мир показался тогдашним людям „малым“, так как „всюду можно проехать“. „Какое упоение жить теперь! восклицает другой современник. Для него, впрочем не важно, что открылись новые страны, но что явились новые люди, с новыми мыслями и дерзновениями. В старом мире забурлили новые страсти,

¹⁾ Их рассказы сохранились; переведены они и на русский язык.

²⁾ Подробнее см. особую книжку: Европа и Новые Страны.

пошли попытки бурных и решительных новшеств и переустройства; началась Реформация, даже целый ряд „реформаций“ (на них в то время смотрели так, как потом будут смотреть на „революцию“); народы вновь перемешались, сблизились или наоборот, временно разошлись.....¹⁾

Действительно, переворот получился полный. Открытия, как и следовало ожидать, сделаны были в нужную минуту. Именно, на ближнем Востоке появилась новая сильная держава, воинственная, но мало образованная,—Турки, еще недавно (см. карту VI) сидевшие в небольшом горном углу М. Азии. Если Вы теперь внимательно взглянете на нашу карту (VII-ю), то убедитесь, что Турки как раз *перерезали все прежние дороги* из Европы в Азию, захватив целиком все побережье Черного моря (не исключая и Крыма), а также всю восточную часть Средиземного моря. Европе нужно было либо—пробить эту турецкую стену, но.... для этого она была недостаточно сильна, либо—отказаться от обмена с Азией, но это.... грозило бы полным застоем во всех областях, либо—*обойти* препятствие, найдя *новые пути*. И Европа, конечно, избрала третью возможность; притом, не какая-нибудь отдельная страна, а *вся* Европа, так как все были одинаково заинтересованы. Попытки нахождения новых путей были самые разнообразные, но все они привели к крупным и важным последствиям.

Вспомнив прежние случаи (Неко и Финикийцы — см. карту II; Итальянцы—см. карту VI), *Португалия* ищет „круглый“ путь вокруг Африки, что и удается наконец отважному и умному Васко де Гама. Вследствие этого в Индии, а также на некоторых островах Азии (см. карту!) появляется европейская культура, а, кстати, происходит не только обмен товарами, но и знаниями. Засели европейцы даже в одном месте Китая, в *Макао*. Попутно оседают, конечно, на побережье и островах *Африки*, во многих, как Вы видите на карте, местах. Впервые, таким образом, начинается

¹⁾ См. особую книжку А. Н. Савина: Что такое реформации?

европейская колонизация, т. е. уход и жительство в далеких заморских странах. И уйти, и поселиться одинаково не легко: все иное, необычное, как люди и животные, так и вообще вся природа. В колонизацию идут, поэтому, не слабые и безвольные, а сильные и предприимчивые, и на новых местах понемногу вырастает привольная новая жизнь, с новыми требованиями и возможностями, более передовая, нежели в странах „старой“ Европы. Впрочем, культурное развитие „колоний“ относится к более позднему времени, так много сил сперва уходило на открытие и первоначальное устройство.

Португалия искала и нашла путь в Индии кругом Африки, идучи на юг, а затем на восток. Одновременно, с иным предложением, выступил в Испании итальянец Христофор Колумб. Он полагал итти на запад, совершив как бы кругосветное плавание, причем разсчитывал непременно наткнуться на Китай или Индию. Корабли тогда были мелкие, провизия и особенно вода легко портились, и его затея пуститься в многомесячное морское плавание казалась, поэтому, сумасбродной. В конце концов ему все же удалось отправиться. До „Индии“ он не дошел, конечно, но наткнулся на Америку и американские острова, которые и до сих пор, в память его отважного предприятия, называются Вест-Индцией, т. е. Западной Индией (по этой же причине и всех туземцев Америки мы называем „индейцами“).

Открытие было неожиданное, но сюда сразу потянулись многие тысячи европейцев (по „шраффировке“ на карте Вы видите, где они оседали)—одни для колонизации, другие для наживы, открытий и завоеваний. Одних притягивало чудесное плодородие новых земель, удивительные новые ея плоды, других—слухи о несметном количестве золота и иных драгоценностей. Колонизация дала великие результаты: Европа обогатилась замечательными „колониальными“ (тогда это слово впервые и появилось) товарами; хищничество—дало последствия печальные: в дребезги разбиты были местные американские культуры (не было здесь, как

видно и по карте, никакого „смешения“, и лишь в одном месте, в незначительных размерах, кое что сохранилось, да и то не надолго), уничтожены настолько основательно, что представление о них приходится и сейчас еще создавать из случайных и скучных остатков....

Настоящее протяжение Америки в то время еще не знали, а посему полагали, что ее, как и Африку, можно „обойти“. Много было совершено плаваний не только к югу, но и к северу, и всегда они, не достигая поставленной цели, все же сопровождались новыми открытиями, а также новыми поселениями. Так, итальянец *Каботто*, ездивший (дважды) по поручению Англии (см. все время карту!), открывает побережье Северной Америки; так отважный француз *Картье* впервые проникает вглубь, к великим озерам, в благодатную *Канаду*, настоящее крестьянское царство в теперешнем ее состоянии.

Пытались найти „северный обход“ и кругом Европы, а таким путем, еще при Иване Грозном, впервые к нам по морю, в *Архангельск*, появляются Англичане (во главе стоял Ченслер), завязываются новые и крупные торговые сношения, растет „Немецкая“ (т. е. иностранная) слобода в Москве. При Грозном же начинается и продвигание наше по суше в Азию. Ермак Тимофеевич со товарищи, продвигаясь в *Сибирь*, делает то же дело на Востоке, что европейские открыватели и завоеватели на Дальнем Западе. Как мы ни отстали от других народов, но настроение Европы, хотя бы и с небольшим опозданием, передается и нам. И скоро должно наступить время, когда прорубится, уже при Петре Великом, настоящее „окно в Европу“, и тем самым неудержимо хлынут к нам знание, и умение, и вообще вся европейская культура....

В течение 100 лет открытия следовали за открытиями с головокружительной быстрой; отстало, на 200 почти лет, лишь исследование *Австралии*, хотя на нее нераз натыкались, зато потом она пошла вперед гигантскими шагами, и в настоящее время она, можно сказать, во многом

обогнала Европу... ¹⁾ Мир, действительно, оказался „малым“. Человек окончательно *победил разстояние*, признаком чего является, например, первое *кругосветное* плавание, совершенное в 1521 и 1522 годах *Магелланом*, путь которого Вы можете проследить по карте.

Мир мал, и все же он велик. Не достаточно его открыть, поверхность узнать, нужно еще им „овладеть“, в лучшем смысле этого слова. Эта задача и сейчас еще только отчасти лишь выполнена, и далеко не всегда удачно. К хорошему и нужному делу часто примешивались ошибки, даже злодейства, но не поnim, конечно, судить само дело²⁾.

VIII.

„Овладеть“ миром значит—изучить его, использовать его блага, обменяться культурой, разрушить стены между народами. И вот прошло вновь *триста* лет; карта изображает положение накануне Всемирной войны. Все же задача далеко не решена окончательно. Правда, необследованным теперь почти нигде ничего не осталось. Прежние задвижки, вроде Турецкой империи ³⁾, совсем почти отпали; прежние отсталые страны, вроде Китая, все более проникаются общей культурой, а Япония неожиданно могуче шагнула вперед ⁴⁾, и ее учёные уже нераз участвовали в важных для всего человечества открытиях. „Европейская“ культура все более превращается во *всемирную*.

¹⁾ Подробнее см. особую книжку Е. А. Косминского «Австралия».

²⁾ Готовится особая книжка: Начало европейского империализма.— Для более раннего времени послужит книжка—«Империализм в Средние века», для более позднего, вплоть до настоящего момента, ряд книжек, особенно В. М. Лавровский «Заморские владения Англии».

³⁾ Подробнее см. особую книжку: Турция и ее судьбы.

⁴⁾ См. книжку «Старая и новая Япония».

Полезные открытия с быстротой молнии (по телеграфу) передаются во все страны. Растояние, можно сказать, сведено на нет. Кругосветное путешествие, на котором Магеллан и большинство его спутников потеряли жизнь, теперь становится поучительной, почти увеселительной поездкой.

Товарообмен совершается с невероятной быстротой благодаря *железным дорогам* и замечательным *каналам*. Человек соединяет то, что природа, казалось бы, раз'единили на века. Не нужно теперь плавания „кругом Африки“, так как есть *Суэцкий канал*; пробит наконец и *Панамский перешеек* (в Америке), несмотря на кряжи скалистых гор и изнурительные лихорадки, которых, казалось, нельзя было осилить никакими средствами¹). Устроен *Коринфский канал* (на карте лишь „Кор.“) в Средиземном море; проложен *Кильский канал*, и не нужен теперь опасный всегда переход по узким и каменистым проливам. Соединены Волга и Балтийское море каналами, и вскоре должен осуществиться канал между Волгой и Доном, как есть он уже на Западе между двумя великими и важными реками, Рейном и Дунаем.

Еще большее чудо представляют железные дороги. Этому великому изобретению *нет еще и ста лет!* Ведь первая пробная поездка *Стифенсона* на его паровозе совершена была лишь в 1825 г., а первая железная дорога (в Англии, между Манчестером и Ливерпулем), длиною в... 46 верст, открыта была лишь 15 сентября 1830 г., да и вообще к концу этого года во всем мире было лишь 325 верст рельсового пути! На первых порах лихие четверки еще думали „обогнать“ „неуклюжее вонючее чудище“, а пассажиры с робостью доверяли себя и свою кладь небезопасной „костломке“... А теперь! Весь мир опоясан железнодорожными линиями. На карте отмечены (пунктиром) лишь наиболее главные, но и то Вы убедитесь, какая в них оказывается *культурная мощь*. Чем некультурнее страна, тем меньше в ней (Африка, Южная Америка, Азия) рельсового пути.

¹⁾ О колоссальной работе над каналом, а также об его великом мировом значении см. особую книжку: *Панамский канал*.

С другой стороны, совершенно ясно, какое великое значение имеет проложение *сплошной* линии, на большое расстояние. Северная Америка пересечена поперек, от океана к океану, целыми четырьмя линиями. Наша Сибирка имеет *мировое* значение, так как является самым дешевым и скорым средством передвижения из любого пункта Европы через всю Азию. Почти осуществлено и другое такое же соединение: наши пути в Туркестан, как Вы видите на карте, совсем близко подошли к английской железной дороге из Индии. Смычка не произошла, и не из-за природных затруднений (хотя они здесь очень значительны), но из политических опасений, все равно как по тем же соображениям остановлена была дальнейшая постройка *Байдадской* дороги на Персидский залив, а также *Сирийской* (на карте лишь „Сир.“ в виду недостатка места), направленной было к Суэцкому каналу. Допущение таких соединений казалось опасным, особенно в военном отношении, но это—очевидное недоразумение: ведь в *Европе* таких сквозных переходов через границы разных государств сколько угодно. А что возможно допустить в Европе, то несомненно будет допущено и использовано и в других частях света.

Тем и замечательны железные дороги, что они *стирают границы* между народами, что польза от них сильнее и яснее всяких опасений и недоброжелательств. Приостановка, не то что отсутствие, железнодорожного сообщения—великое несчастье. Если остров Ява (в Азии) имеет хорошую сеть дорог (на карте показана лишь главная линия), то это свидетельствует, насколько он обогнал другие соседние острова (все равно как Япония, Китай). Ясно поэтому, какое значение будет иметь проложение трансафриканской (т. е. „сквозной через Африку“) дороги от Средиземного моря и до самого юга, части которой, как Вы видите, уже осуществлены. Ясно также, что в культурной и богатой Австралии должны быть исключительно важные причины, заставляющие ее пока довольствоваться лишь короткими, отчасти прибрежными линиями.

Словом, железные дороги один из вернейших показателей культуры народа и лучший залог усиления культурных, мирных отношений. Паровоз не только „пожирает разстояние“ в обычном смысле, он пожирает и разстояние между народами, могуче сближая их в общей полезной работе.

Ту же роль, конечно, играют и *пароходы*. Они тоже „молодое“ изобретение: мы только что самым непростительным образом прошли мимо столетнего юбилея—в 1819 г. *Фултон* на своем пароходе „Саванна“ впервые пересек океан из Америки в Англию (из Нью-Йорка в Ливерпуль) в 25 дней. Современные гиганты проходят тот же путь в неполные 8 суток. Таково *ускорение!*—Впрочем, и длительных переходов не боятся ни на суше, ни на море не только люди (Колумб, помните, нуждался в свежей воде, теперь работают „опреснители“, изготавляя питьевую воду из морской), но и самые нежные товары. Благодаря „холодильникам“ мясо из Австралии поступает совершенно свежим в Англию, а туркестанские фрукты, даже зрелые, отлично доходили судя по опытам накануне войны, до Москвы и Питера...

Человечество ныне не знает преград. Но есть и до сих пор одна не взятая еще окончательно твердыня: многие сотни миллионов людей еще малокультурны, почти безкультурны¹⁾... В течение нескольких тысяч лет, как мы видели, шло *распространение культуры*; не может и не должно оно остановиться и теперь, потому что в этом—весь смысл прошлого и, значит, и будущего. Внезапных культурных чудес не бывает; но нет и колдовских, злостных приостановок. Никакие разлады между народами²⁾, никакие войны и бойни не могли, как мы видели, остановить самого главного—взаимного обучения и сближения народов.

¹⁾ О предстоящих задачах и прошлых успехах и грехах см. особую книжку „Европа и дикарские народы“.

²⁾ Дело мира намечалось уже давно, см. книжку „Всеобщий мир в прошлом и настоящем“.

Так было и так будет. Помнить нужно лишь, что культура—*трудовое* дело, что она не дается без усилий и жертв. Что каждый в ней не столько хозяин, сколько работник; что шапками никого не закидаешь, что сиднем сидеть, да умнуть и крепнуть при этом, полагается лишь в сказках.

СОУНД ИМ. В. Г. Белинского

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ ИЗ СЕРИИ
„Библиотека Народного Университета“:
II Отдел историко-литературно-философский.

В. Всеобщая история.

под редакцией проф. Д. Н. ЕГОРОВА.

1. Что такое история культуры. Д. Н. Егоров (вышла в свет).
2. Первобытная культура: а) Человек и природа. Д. Н. Егоров.
б) Развитие техники. Ю. В. Готье.
в) Ранняя религия. Н. А. Кун.
г) Начатки общественной солидарности.
3. Древний Восток и его культура. Н. М. Никольский.
4. Культура древней Греции. Д. Н. Егоров.
5. Римская держава. Д. П. Кончаловский.
6. Борьба язычества и христианства. П. Ф. Преображенский.
7. Что дала нам культура Древнего мира. Д. П. Кончаловский.
8. Вольный город в Европе. А. К. Дживелегов.

9. Деревня на Западе. Е. А. Косминский.
10. Духовная культура Средневековья. О. Добиаш-Рождественская.
11. Империализм в Средине века. Д. Н. Егоров.
12. Что такое Возрождение? А. К. Дживелегов.
13. Что такое Реформация? А. Н. Савин.
14. Первые книги. Е. А. Косминский.
15. Первые газеты. П. А. Фалькович.
16. Европа и новые страны. Д. Н. Егоров.
17. Начало империализма.
18. Король и народ на Западе. Н. И. Радциг.
19. Просвещенная власть 18 в. Н. И. Радциг.
20. Просвещенное общество 18 в.
21. Великая Революция. А. Н. Савин.
22. Наполеоны. П. А. Фалькович.
23. Франция и Германия.
24. Германская Империя. А. К. Дживелегов.
25. Австрийские земли.
26. Турция и ее судьба.
27. Старая и новая Англия. В. М. Лавровский.
28. Заморские владения Англии,
29. Американские революции. Г. В. Сергиевский.
30. Современная Америка. Г. В. Сергиевский.
31. Панамский канал.
32. Старая и новая Япония.
33. Австралия. Е. А. Косминский.
34. Всеобщий мир в прошлом и настоящем. Д. Г. Зандберг.
35. Европа и дикарские народы. А. Н. Савин.

Кроме названного Отдела в „Библиотеку Народного Университета“ войдут: I. Общественно-Экономический Отдел. II. Отдел Историко-литературно-философский. А. Русская История. С. Литература. Д. Философия, Психология и Педагогика. III. Отдел Естественно-медицинский. А. Физика. В. Химия. С. Астрономия. Д. География. Е. Биология. F. Медицина.

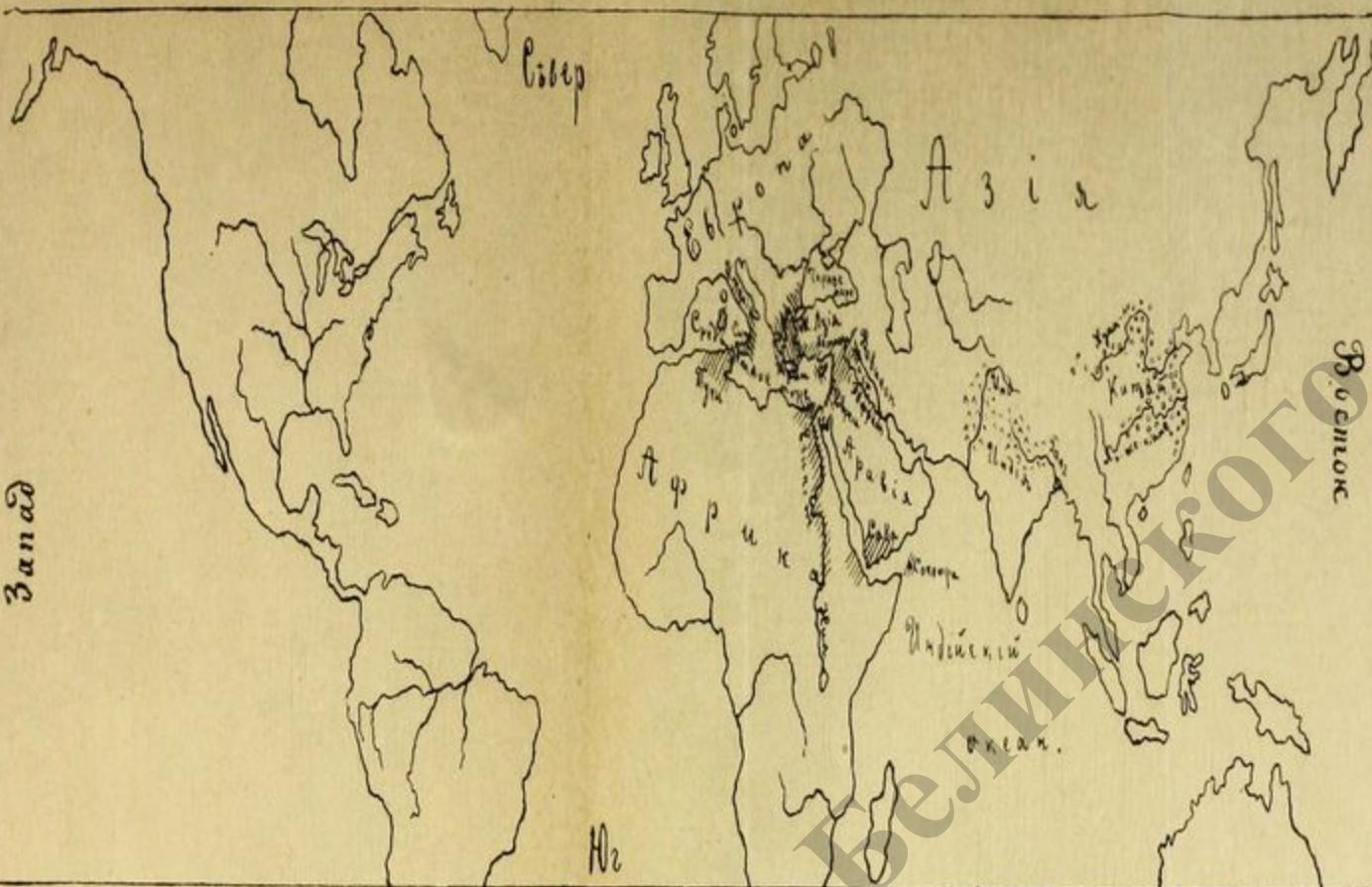
Все издание „Библиотеки“ составит около 100 выпусков по 2—6 листов в каждом.

СОУНД ИМ. В. Г. БЕЛИНСКОГО

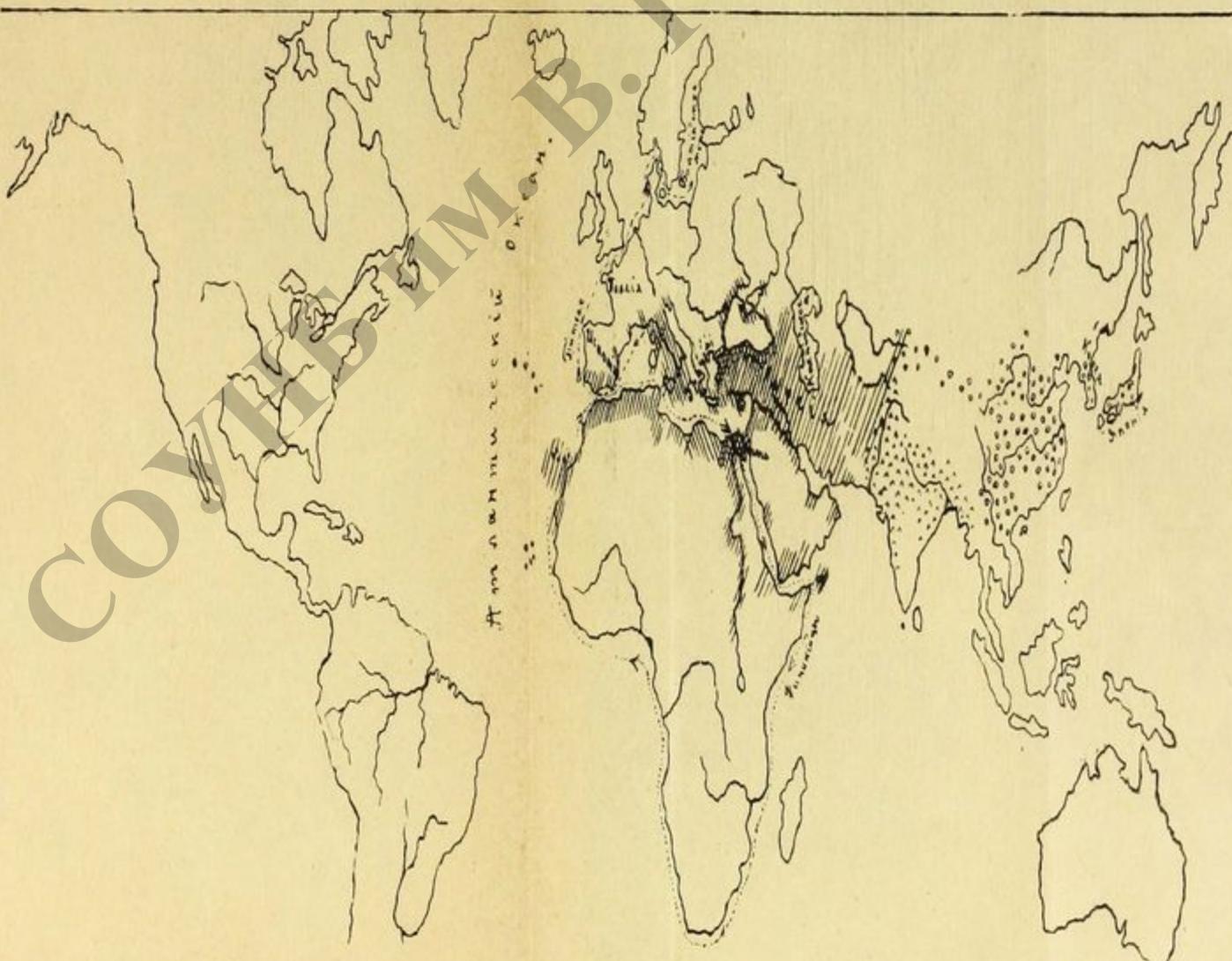
СОУНД ИМ. В. Г. Белинского

СОУНД ИМ. В. Г. Белинского

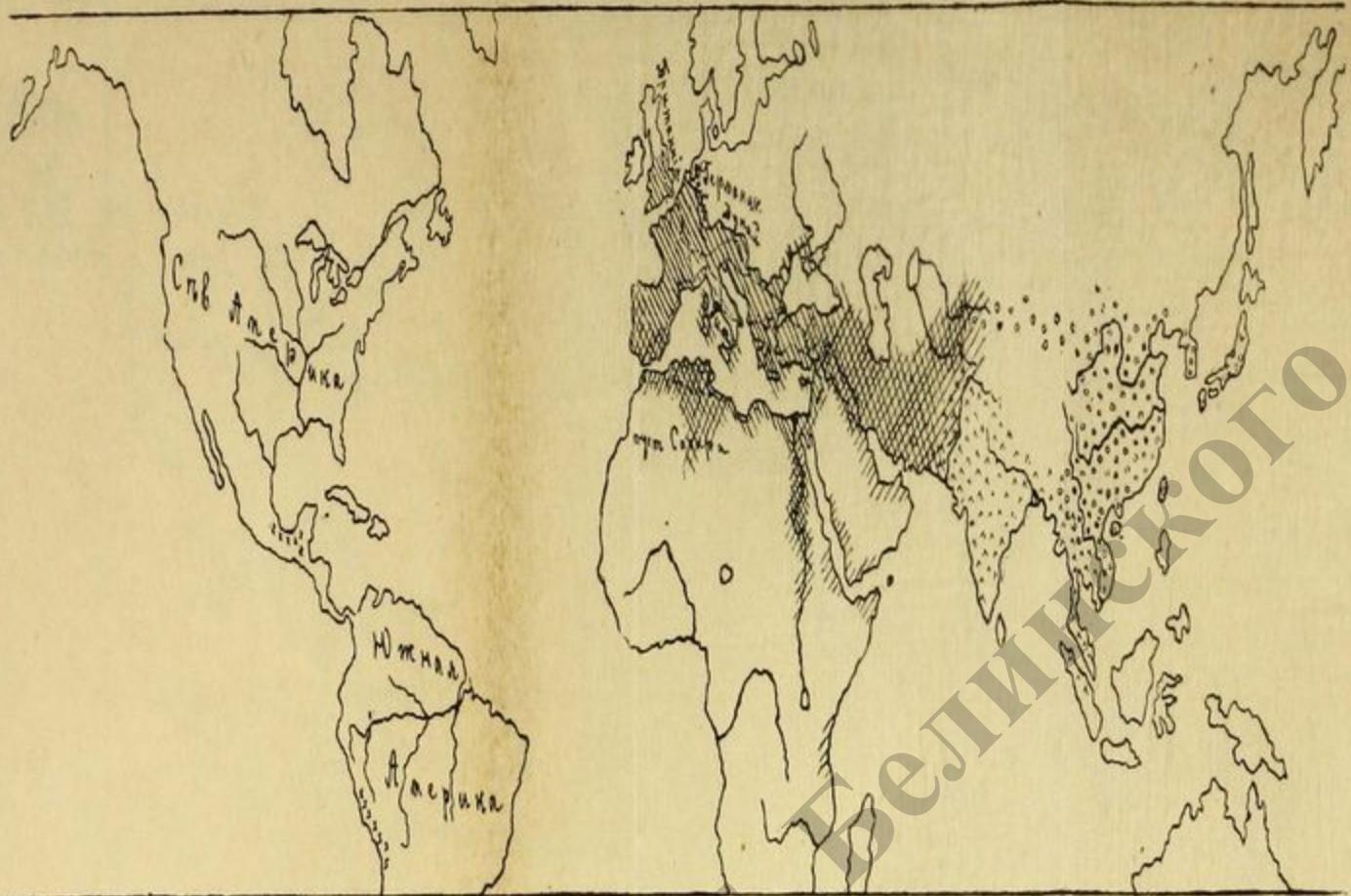
I. okt. 1000 r. do PXP.

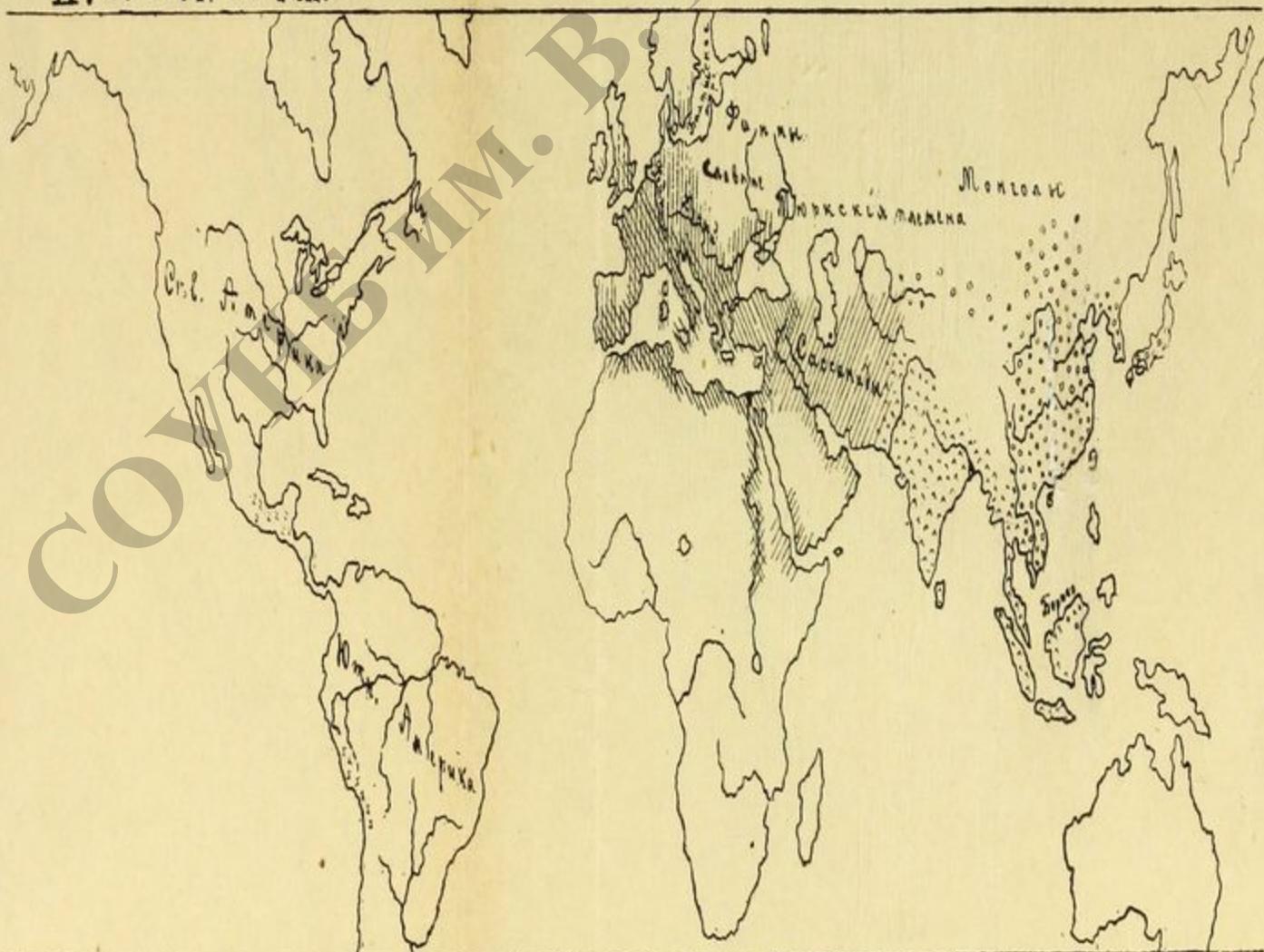
II. ok. 500 r. do P.XP.

III. ок. Р.Хр.

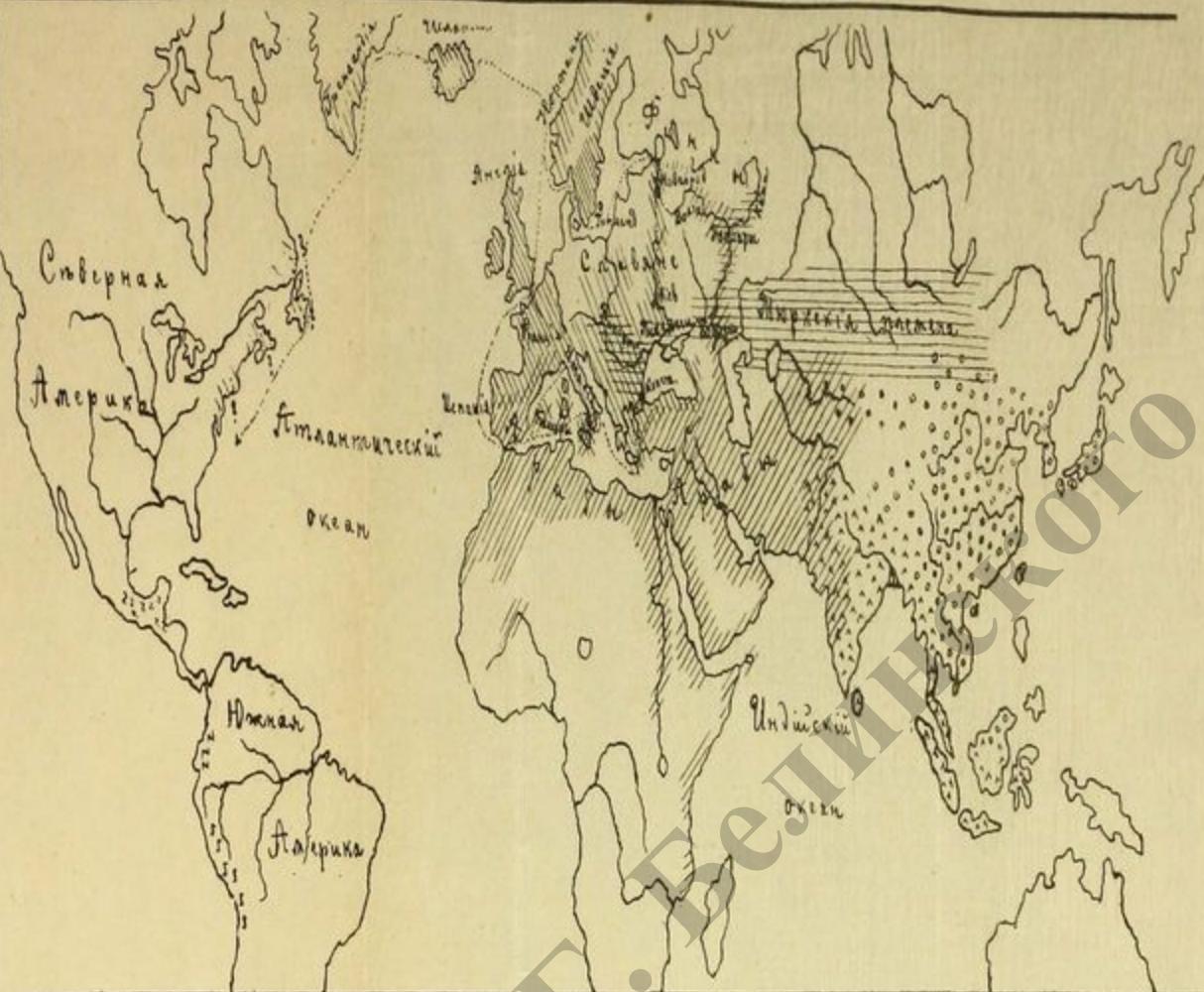

IV. ок. 500 г. по Р.Хр.

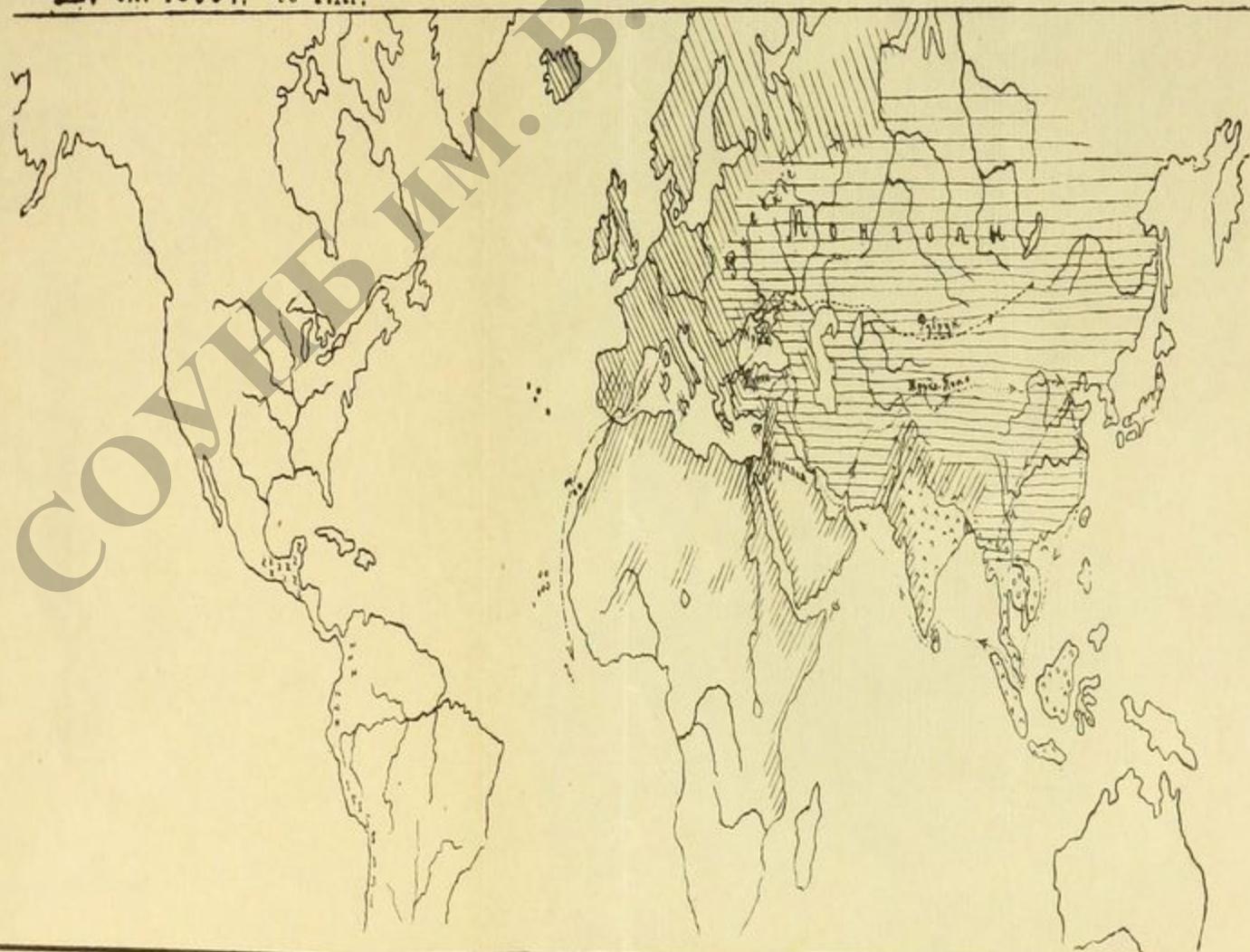

V.

ок. 1000 г.
но Р.Х.Р.

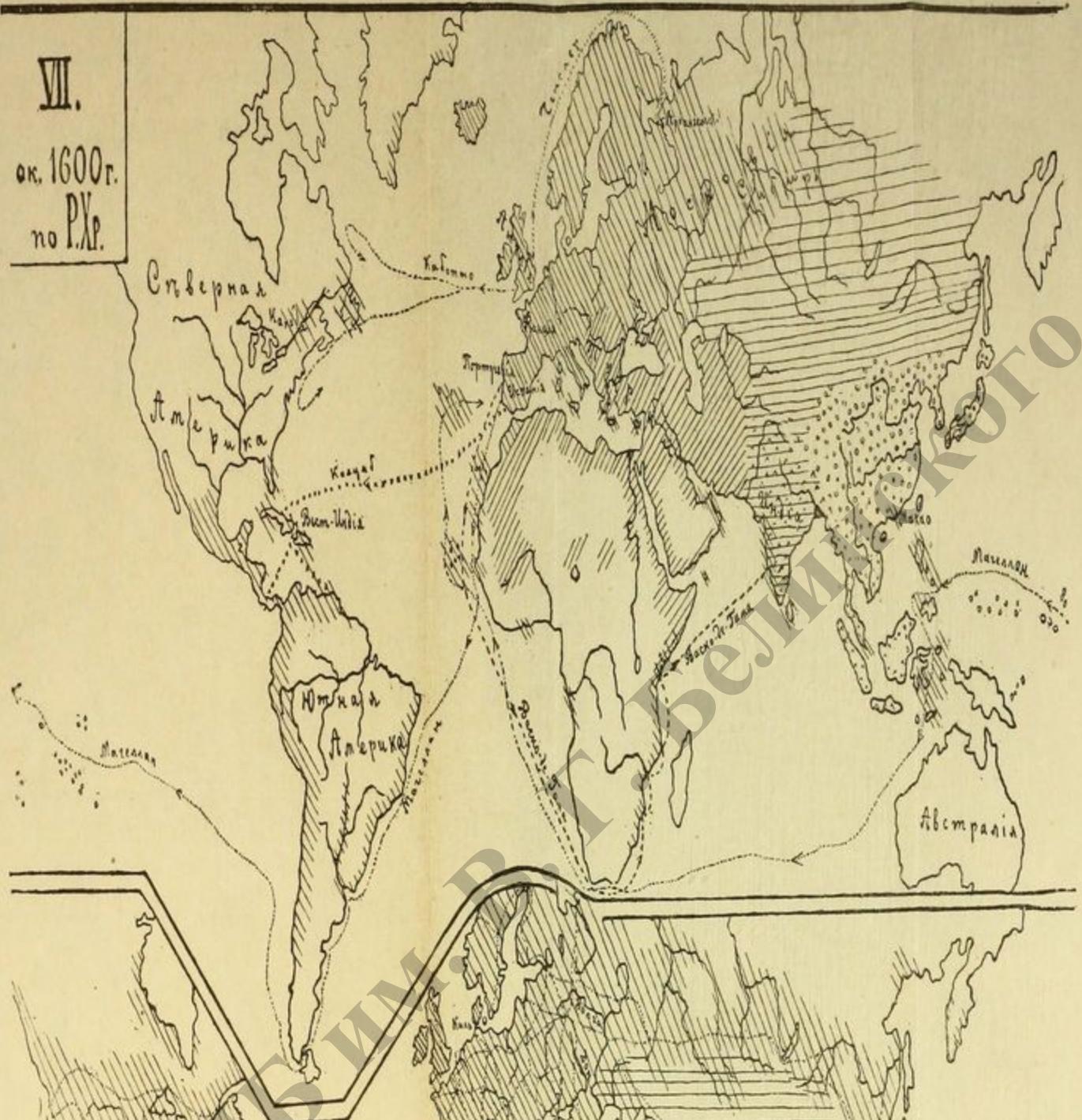

VI, ок. 1300 г. но Р.Х.Р.

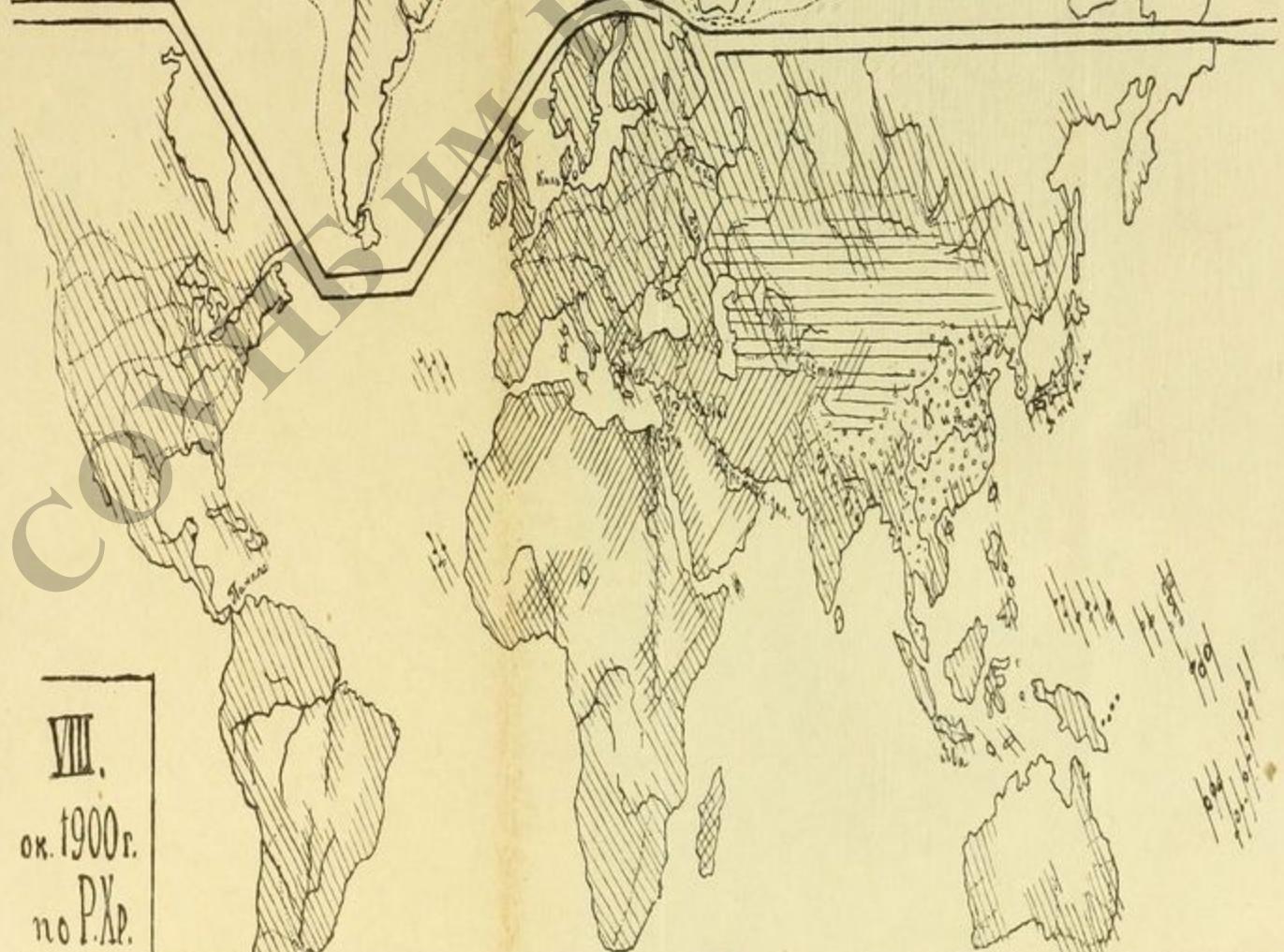
III.

ок. 1600 г.
но Р.А.

III.

ок. 1900 г.
но Р.А.

СОУНД ИМ. В. Г. Белинского

50.44

07.075

F19

СОУНД ИМ. В. Г. Белинского

901
E-30